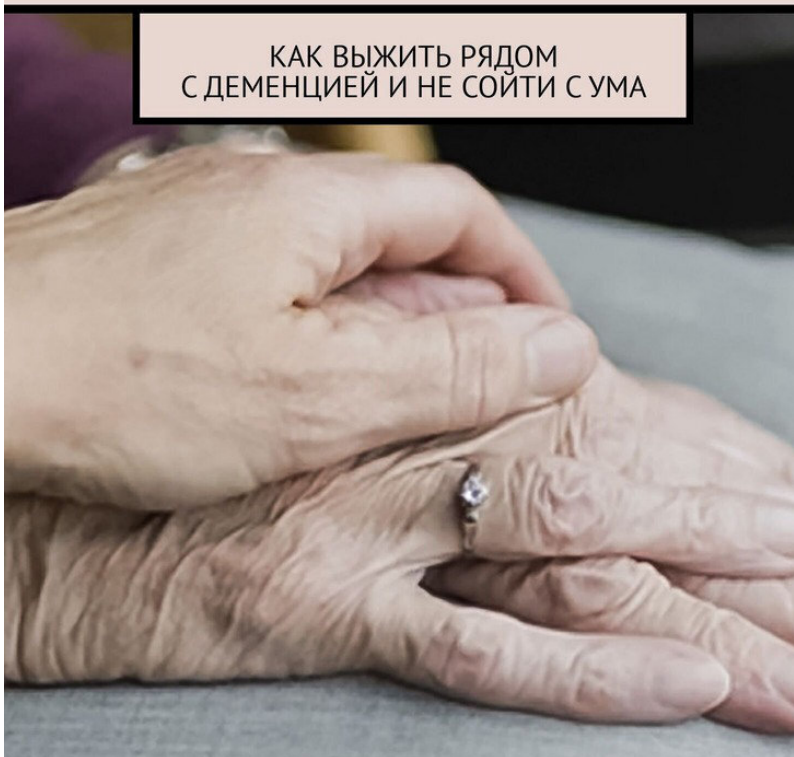

18+

ТАТЬЯНА КОВГАН

Деменция. История ненависти и любви

КАК ВЫЖИТЬ РЯДОМ
С ДЕМЕНЦИЕЙ И НЕ СОЙТИ С УМА

Татьяна Ковган

**Деменция. История ненависти
и любви. Как выжить рядом
с деменцией и не сойти с ума**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73751438

ISBN 9785006967496

Аннотация

Мы можем строить свою жизнь, планировать будущее, но наступает момент, когда все меняется – мы становимся марионетками в руках близких людей, заложниками их деменции, болезни и старости. А наш дом превращается в наш персональный ад. И только мы сами можем себе помочь и найти выход. Я искала ответы на свои вопросы у психологов и психиатров, и не получала их. Я вела эти записки, чтобы не потерять себя и не сойти с ума. Мне казалось, что, если я буду писать, я смогу найти выход. И я нашла его.

Содержание

От ненависти до любви. Вместо предисловия	5
Переезд	8
Выбор	10
Начало	11
1. Логическая задача	13
2. Пальма на день рождения	19
3. Фикус	26
4. Корешки	33
5. Одного бы хватило	39
6. За что ты меня ненавидишь?	44
7. Приступ удушья	51
8. Это уже не они	58
9. Нервы лечить надо	64
10. Продам надежду на чудо. Бесплатно	72
11. 300 тысяч и жирный кот	80
12. Манипуляция высшего уровня	89
13. Разделить надвое	97
14. Чудесный доктор	104
15. «Триумфальная арка»	110
16. Хорошо не будет, будет, как раньше	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Деменция. История
ненависти и любви
Как выжить
рядом с деменцией
и не сойти с ума**

Татьяна Ковган

© Татьяна Ковган, 2026

ISBN 978-5-0069-6749-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От ненависти до любви.

Вместо предисловия

Мы можем строить свою жизнь, планировать будущее, но наступает момент, когда все меняется – мы становимся марионетками в руках близких людей, заложниками их деменции, болезни и старости. А наш дом превращается в наш персональный ад. Поверьте, никто из нас от него не застрахован от этого. И только мы сами можем себе помочь и найти выход.

Это история о том, как я опускалась на дно, а затем медленно и тяжело поднималась наверх. Я смогла подняться. Теперь я точно знаю: если вы сейчас на дне, у вас есть только один путь – наверх. И если моя история поможет хотя бы одному человеку пройти этот путь быстрее и легче – значит, я пишу не зря.

Каждый день на протяжении шести лет я становилась объектом манипуляций и противостояла этому, как умела. Я искала ответы на свои вопросы у психологов и психиатров, и не получала ответов. Я вела эти записки, чтобы не потерять себя и не сойти с ума. Мне казалось, что, если я буду писать, я смогу найти выход.

И я нашла его.

Но если я начну сразу с главного, вы просто покрутите пальцем у виска. Потому что мой ответ на вопрос: «Что делать, когда рядом с тобой больной с деменцией?» – выглядит таким странным и неправдоподобным... Еще 5—6 лет назад я бы ни за что не поверила в это и даже не стала бы слушать того, кто бы мне попытался объяснить, с чем на самом деле я имею дело.

Поэтому все по порядку. Всему свое время.

В 2017 году я полностью изменила свою жизнь. Бросила все, что для меня было важно и дорого: любимую работу, друзей, жизнь в мегаполисе, – и ограничила себя пространством Интернета и четырех стен. Это был осознанный и необходимый шаг.

После смерти отца я осталась в деревне, чтобы ухаживать за мамой – ее нельзя было оставить одну. Гипертония, импланты тазобедренных суставов, 2-я группа инвалидности с 20-летним стажем. За три года до этого – инсульт, после которого она так и не оправилась. С вопросами личной гигиены и туалета справлялась сама, ковыляя по дому на двух костылях, а вот приготовить себе поесть и постирать – уже

нет. В придачу к инсульту мама получила диагноз болезнь Паркинсона и смирилась с перспективой, что дальше будет только хуже.

Переезд

Забрать маму к себе город я не могла – на мои съемные квадратные метры не уместилась бы даже ее немецкая инвалидная кровать, которую мы подарили ей с братом. За 20 лет работы в школе я так и не накопила себе на квартиру.

Через полтора года жизни в деревне мы чудом сумели продать деревенский дом, и брат помог нам купить квартиру в маленьком городке. Мама всегда мечтала жить в городе, а мы с братом думали о том, как будет хорошо, если я смогу помогать ей спускаться на несколько ступенек, усаживать в коляску и везти гулять на берег реки – в деревне она уже двадцать лет не выходила за ворота дома, отчаянно стесняясь своих костылей. А для неспешных прогулок в коляске идеально подходил маленький тихий городок, а не грохочущий мегаполис. Цены на жилье тоже имели значение.

Для неспешных прогулок в коляске идеально подходил маленький тихий городок, а не грохочущий мегаполис

Я была готова к тому, что едва ли найду здесь работу по специальности. Я уже знала, что социальное пособие по уходу за больным родственником составляло 1.400 рублей в месяц – при условии, что ты нигде не работаешь и не имеешь других доходов. Но я к этому времени уже научилась подрабатывать в Интернете – вбивала карточки в 1С, писала тексты для сайтов и групп в соцсетях, и уже могла кое-как сводить концы с концами.

Выбор

Мамина болезнь прогрессировала: все чаще по пути от кровати до унитаза ей требовалась моя помощь, чтобы передвинуть ноги или вынуть ее из коляски. В этой ситуации у меня был выбор: уложить маму в кровать, упаковать в памперсы, обратиться к помощи социального работника и отправиться искать работу, или работать дистанционно и при этом помогать маме каждый раз, когда ей нужна помощь. Но при этом позволить ей самой хоть немного двигаться и чувствовать себя живой.

Я выбрала второе и ограничила свое жизненное пространство размерами нашей новой квартиры. Нужно было заново научиться жить. И я приняла новые правила игры.

Казалось, все складывается удачно: я тихо и мирно работаю за компьютером, готовлю маме завтраки, обеды и ужины, захожу к ней в комнату поболтать, раз в месяц хожу в больницу за лекарствами, когда надо, помогаю встать с кровати и дойти до туалета. Но тут начали происходить вещи совершенно странные и непонятные. И я не сразу поняла, что это деменция. Уж больно все происходящее не походило на симптоматику, описанную в Интернете.

Начало

Это сейчас мне достаточно услышать всего несколько слов от незнакомого человека на улице, чтобы понять: это деменция! А тогда...

В феврале маме понадобилась тонкая блузочка к лету, и я два месяца бегала по магазинам, в которых на тот момент был только зимний ассортимент. Ну как я могла сказать «нет», когда она смотрела на меня такими жалобными глазами каждый раз, когда я объясняла, что еще не сезон?

Потом выяснилось, что маме нужна новая записная книжка – точно такая же, как ей подарили в 1964-м году на окончание школы. Потом понадобилась пластиковая бутылочка для воды, и все, что я приносила, были не такие, как надо. Потом я до одурения несколько недель перестилала в ее комнате коврики, привезенные из деревни – примеряла и так, и этак, каждый день перетаскивая на себе 50-килограммовую инвалидную кровать, древний тяжелый письменный стол и многочисленные тумбочки. А на завтра у мамы появлялась новая идея, как все переставить. Потом маме захотелось соленых огурчиков, и я почти два года через день носила из магазина тяжелые банки маринованных огурцов.

Потом... потом я начала осознавать, что моя жизнь больше мне не принадлежит.

Никогда раньше я не задумывалась о том, какие страшные вещи делает с мозгом человека болезнь, когда разрушает нейронные связи. В какой-то момент я начала понимать, что рядом – уже не близкий и родной человек, а только его оболочка. А то, что внутри – темное, непонятное, безжалостное – готово бесконечно манипулировать мной, превращая в заложницу болезни и старости.

Я мучительно искала выход. Читала книги по психологии и психотерапии. Изучала литературу, которая описывает работу мозга. Училась отслеживать манипуляции. И каждый раз попадалась в новую ловушку. До тех пор, пока не поняла, как это работает.

Я прошла путь от любви к близкому человеку до самой настоящей ненависти. А потом снова вернулась к любви. Я смогла.

Я попробую описать весь этот путь.

1. Логическая задача

Температура поднялась три дня назад, тело ломает. Угрозило же заболеть в первые дни нового года. Лежу в постели и глотаю аспирин.

– Ничего не могу найти в Интернете, все ерунда какая-то, – возмущается мама, тыкая пальцем в планшет. – Надо идти в библиотеку.

– Мама, я же сказала, у меня температура. Поправлюсь – схожу тебе за книжкой.

– Да я ничего не говорю. Когда поправишься, сходишь, – через паузу, плаксиво. – Что же делать? Внуки приедут в гости, а бабушка ничего не приготовила.

«Ничего» – это несколько страниц общей тетради в клеточку, мелко исписанных учительским почерком, все сплошь логическими задачками, найденными на просторах Сети. В последний приезд внуков бабушка загадала им задачку: «В комнате четыре угла. В каждом углу сидит кошка. Напротив каждой кошки по три кошки. Сколько всего кошек в комнате?» Старший, которому недавно исполнилось шесть лет, проявил к задачкам интерес, и бабушка решила, что в следующий раз нужно встретить внука во всеоружии.

– Вот придут в гости, а у меня ничего для них нет.

– Мама! Я тебе объясняла, что скоро они не придут.

На улице минус 36, ни один нормальный человек не поедет в другой город в такой мороз. Да еще с детьми.

– А если потеплеет? Вова сказал, что придут.

Вова – это мой брат.

– У тебя уже есть задачки, хватит.

– Так тут совсем мало.

– Ты всю жизнь проработала в школе, неужели не понимаешь, что шестилетний ребенок не сможет удерживать внимание на твоих задачках более десяти минут? А у тебя там уже этих задачек на несколько часов.

– Да тут ерунда всякая, ничего интересного нет. Вот в книжке...

– В книжке будет то же самое, только в Интернете гораздо больше.

– Я же тебя не заставляю сейчас идти, когда поправишься.

Я плотно закрываю дверь в свою комнату, ложусь в постель и укутываюсь в одеяло. Надо как следует пропотеть.

Через полчаса встаю мокрая с постели, чтобы сходить в туалет.

– Таня, зайди на минутку.

Что опять?

– Я хочу тебе показать. Когда пойдешь в библиотеку, ты

с вот такими задачками книжку не бери, давай я тебе покажу с какими.

– Мама, я еле стою на ногах, у меня температура. Давай потом.

– Да ты просто посмотри, я же тебя прямо сейчас не гоню.

Угораздило же заболеть в первые дни нового года

Стою, прислонившись к косяку, из последних сил внимательно слушаю, как мама читает вслух задачки, которые ей не нравятся. У меня в голове туман.

– Все?

– Ну вот тут я еще несколько переписала, прочитай, – протягивает тетрадку.

– Можно, я все-таки схожу в туалет.

– А кто тебе не дает?

В следующий раз встаю с постели, потому что маму пора кормить обедом. Разогреваю вчерашний борщ – у меня совершенно нет сил ничего готовить.

– Ну совсем ничего в Интернете нет, – жалобно смотрит мама. – Ерунда какая-то. Совсем не интересно. Совсем нечего дать внуку.

– Мама, ты сейчас чего добиваешься?

– Да ничего я не добиваюсь, – чуть не плачет. – Внук скоро придет, а у меня для него даже задачек интересных нет.

Спустя время снова встаю с постели, чтобы сделать себе чай с лимоном.

– Ну вот ничего больше найти не могу, – в голосе мамы слышатся слезы. – Вот послушай, какие задачки, совсем не интересные...

На следующее утро температура все еще держится. Я встаю, чтобы приготовить и принести маме завтрак.

– Ты как себя сегодня чувствуешь? За книжкой не сможешь сходить?

– У меня температура. На улице – 42.

Через несколько минут:

– Ну ничего нет в этом Интернете...

Я собираюсь.

– Ты куда?

– А ты не знаешь? – хлопаю дверью.

На обратном пути из библиотеки решаю пройтись пешком. Набережная, укутанная в туман, пустынна. Редкие прохожие, съездившись, черными силуэтами пробегают мимо. Мороз не спадает, идти три остановки, но нужно проветрить мозг. Сейчас бы в самый раз лежать в постели под одеялом, но я потею прямо на улице, чувствую, как лоб на морозе покрывается холодной испариной и замерзает. Домой идти совершенно не хочется. Но больше некуда.

– Замерзла? Холодно там? – сочувственно спрашивает мама.

– Сорок два.

– Ой, какой ужас. Когда же морозы закончатся?

– Вот твои книжки, – выкладываю на стол пять детских книжек с задачками и головоломками – все, что нашла в городской детской библиотеке.

Иду на кухню, чтобы по-быстрому придумать маме ужин – возвращаюсь с тарелкой пельменей и кружкой сладкого чая. Мама смотрит на меня хитро и как-то торжествующе. Все пять книжек аккуратной стопочкой лежат рядом с ней:

– Прочитала я уже все твои книжки, можешь забирать, – говорит иронично, в серых глазах прыгают насмешливые

чертики. – Это все я и в Интернете уже нашла. То же самое!

Мне плохо, я не могу спорить. Молча ставлю тарелку, забираю книги и уношу в свою комнату. Лежу и реву, обильно смачивая слезами подушку. Как она не понимает? Неужели правда не понимает? Моя мама в мороз выживает меня из дома с температурой – за книжками с детскими задачками, которые ей понадобятся не раньше, чем через пару месяцев. Я не понимаю, что происходит. Я не могу решить эту логическую задачу.

Я чувствую себя жертвой. Какое противное и склизкое состояние – состояние жертвы.

— — —

Я еще даже близко не подошла к мысли, что это деменция. Во всем остальном мама вполне нормальна, ей всего 74, у нее хорошая память, она уверенно пользуется планшетом и сотовым телефоном, вон логические задачки ей захотелось найти – придумывает для внуков интеллектуальные развлечения. А позанудничать она любила всегда, когда нужно было чего-то добиться от домашних – не мытьем, так нытьем. Но выгнать дочь с температурой на сорокаградусный мороз... Нет, этого я не понимаю.

2. Пальма на день рождения

– Посмотри, какая пальмочка. Симпатичная. Я думаю, она неплохо бы вон в том углу смотрелась, – мама показывает на угол, в котором мирно стоит её инвалидная коляска.

– А коляску куда? – каждый раз, когда у мамы появляется новая гениальная идея, мой внутренний скептик пытается заранее оценить масштабы перестановки и вес перетаскиваемых тяжестей. Потому что таскать все это буду я.

Мама задумчиво смотрит на коляску:

– Что-нибудь придумаем.

– Выбросим?

– Нет, коляску мы выбрасывать не будем. А пальму мы можем поставить на тумбочку возле телевизора. Посмотри, какую я пальму нашла, – протягивает планшет.

Я смотрю. Мама явно не отличает реальность от удачно выбранного ракурса. Я представляю, как эта пальма в 30-литровом цветочном горшке возвышается на тумбе возле телевизора, разбросав во все стороны огромные зеленые лапы, которые займут большую часть комнаты. Спорить бесполезно – это уже пятая или шестая интернет-пальма, которую мама примеряет в свою комнату. Все прочие пальмы из Интернета с презрением отвергаются по причине неправильно вы-

бранного интерьера для фотосъемки.

Остаётся только один аргумент:

– Тысяч пятнадцать-двадцать, – прикидываю я стоимость этой пальмочки в магазине.

– Нет, за пятнадцать тысяч мне не надо, – испуганно сообщает мама. – Рублей за триста – куда ни шло.

Все началось ещё зимой, когда мама насмотрелась у себя в планшете европейских интерьеров и решила, что цикламены ей больше не нравятся, потому что в её комнату идеально подойдут несколько пальм.

Цикламены были с презрением сосланы в мою комнату, а мама выбирает цветы в подарок себе на день рождения. Я представляю, какие для них нужны горшки и сколько в них потребуется земли. Землю из магазина придется носить мне. Мама знает, что за полтора года жизни в деревне (после смерти отца пришлось пожить в деревне, чтобы продать дом и переехать в город) я приобрела боль в коленных суставах и позвоночнике, которые так и не могу вылечить. Но это маму не останавливает. А я уже представляю, как буду неделю перетаскивать эти горшки с места на место, пока мама решит, как лучше. Я пообещала, что куплю ей цветы, а теперь с ужасом думаю, как потащу на себе эту самую пальму, которую мама, как только увидит её живьём, окрестит страшной

и попросит убрать подальше.

Мама продолжает шустрить в Интернете, каждые полчаса подзывая меня, чтобы показать очередную находку. Каждые полчаса – это не один день, а уже пятую неделю.

Фикусы, пальмы, драцены, папоротниковые... Я нахожу в ближайшем цветочном магазинчике несколько вполне симпатичных диффенбахий – мама три дня изучает Интернет, и предложение отклоняется. Оказывается, диффенбахия – энергетический паразит.

Все, что цветёт, категорически отвергается:

– Это несовременно. Ты посмотри фотографии современных интерьеров в Интернете – там только зелень.

Мама всегда хотела жить в городе. И вот теперь она решила, что деревня в прошлом, и у нее должен быть современный городской интерьер. Как на картинках в Интернете.

Мама составляет в тетрадке список растений, которые ей подходят, мысленно расставляет их по углам, тумбочкам и всем имеющимся поверхностям.

Мамин список цветов обрастает все новыми подробностями. Их уже более трех десятков, одни добавляются, другие вычеркиваются. Каждые полчаса я получаю инструктаж и подробный отчет. Я мысленно представляю эту оранжерею

в ее комнате, и мне становится не по себе.

Обхожу местные цветочные магазинчики и обнаруживаю, что ассортимент их в несколько раз меньше всего, что запланировала мама. Городок у нас небольшой, покупательская способность невысокая, откуда здесь быть экзотическим пальмам? Я считаю дни до маминого дня рождения. Господи, ещё почти месяц!

– Мам, давай я сфотографирую красивые цветы, которые есть в магазинах, и ты выберешь, что тебе купить. Я понимаю, что в Интернете больше, но мне их оттуда не привезут.

И я иду со своим кэноном по цветочным магазинам. Фотографирую, показываю маме – все не то. Фикус какой-то не такой, как на картинке в Интернете. Спатифиллум ничего, но она ещё не решила, нужен ли ей спатифиллум. Шефлера нашлась только одна – двухметрового роста с темным лохматым стволом. Нет, такую не надо, надо, как на картинке в Интернете – чтобы вся зелёненькая. Папоротники слишком лохматые. Кажется, маме не столько нужны цветы, сколько интересен сам процесс выбора.

Я снова плетусь по магазинам с фотоаппаратом. Продавцы смотрят на меня подозрительно.

– Вы же уже фотографировали. Что, так и не выбрали?

Я приношу домой фотографии – опять не то. Я снова мысленно считаю дни до дня рождения – скорей бы уж.

Мама ведёт переговоры с сестрой по телефону, диктует ей свой многостраничный список растений. Спасибо тетке, перед самым днем рождения ей удаётся отговорить маму от пальмы и уговорить на спатифиллум.

– У меня есть фикус, не покупай, Вова поедет, я с ним передам, – говорит она мне по телефону. – И небольшую шефлерку я присмотрела.

В день маминого рождения я иду с утра в цветочный магазин и притаскиваю большой спатифиллум. Маме нравится, она любит им весь день. Брат приехать не может, у него работа, тетка передаёт цветы с попуткой. Теперь у нас большой спатифиллум, маленький кудрявый хлорофиллум, небольшая шефлера и приличного размера фикус. Комната начинает напоминать джунгли, и мама решает, что этого достаточно – пальму не надо.

И заново садится изучать Интернет. Наутро меня ждёт инструкция на трёх мелко исписанных тетрадных страничках в каждую клеточку – как ухаживать, как пересаживать, как поливать.

– Зачем ты все это выписала?

– Тебе, чтобы ты знала.

– Я не поняла, это мои цветы или твои?

– Ну я же сама не могу...

К вечеру оказывается, что все цветы нужно срочно пересадить в большие горшки. В очень большие горшки, считает мама. И так срочно, что мы не можем ждать, когда приедет Вова и мы с ним съездим в магазин за землей. Я три дня таскаю на себе из магазина горшки и землю. Каждый раз, когда я приношу очередную упаковку земли, мама спрашивает:

– Как твои колени?

– Болят.

– Ничего не поделаешь. У меня вот тоже болят, – и вздыхает.

Издевается? Нет, кажется, говорит серьезно.

Пересаживаю сначала шефлеру в десятилитровый горшок, потом таскаю её по всей комнате взад и вперёд, пока мама решает, где её место. Наступает пора фикуса и спатифиллума – им тоже нужны большие горшки, и я снова иду за землей. По ночам вою от боли в коленях. Ибупрофен не помогает. Мама, кажется, довольна.

Неужели все?

— — —

Мне хочется помочь обустроить мамин быт, чтобы она чувствовала себя уютно в новом доме, разве

это не нормальное желание? Пожилая женщина изменила свою жизнь, переехала в город и теперь хочет изменить интерьер – все это выгладит настолько логичным, что мне даже мысль в голову не приходит о деменции. Мне понадобится еще очень много времени, чтобы понять – да, деменция может быть и такой. Кто бы сказал мне об этом раньше?

3. Фигус

Да, деменция может быть и такой. У неё сотни оттенков. Но я еще не подозревают об этом и ко всем маминым фокусам отношусь всерьез.

– Мне кажется, фигус засох, надо полить, – задумчиво изрекает мама.

– Я вчера поливала цветы.

– А мне кажется, он совсем сухой.

Я касаюсь пальцами влажной чёрной земли в горшке:

– Смотри, мокрая...

– Да? – удивляется мама, – а мне казалось...

Через полчаса заглядываю в мамину комнату спросить, будет ли она какао с печеньками.

– Таня, мне кажется, фигус совсем засох.

Я внимательно смотрю на неё. Нет, не издевается. Взгляд вдумчиво-серьезный.

– Мама! Если тебе кажется, встань и проверь.

– Так я туда дотянуться не могу.

Я оцениваю ситуацию – может. Только для этого надо подняться с кровати, встать на костыли и сделать 6—7 шагов. Захочет – проверит.

Через час приношу обед.

– Фикус полить надо, засох, – мама говорит это как само собой разумеющееся, словно в первый раз.

Неужели совсем ничего не помнит? Что-то с памятью? Да нет, она же, учитель в прошлом, прекрасно помнит все правила русского языка, а если я ей вчера сказала, что завтра куплю шоколадку, ни за что не забудет. И сегодня с утра обязательно напомнит:

– А ты когда в магазин пойдешь? Про шоколадку не забудешь?

Ничего не понимаю. Зачем она издевается надо мной?

– Мама, он мокрый.

– Да? А мне кажется, засох.

Ставлю обед и ухожу.

Минут через двадцать возвращаюсь за грязной посудой.

– Фикус надо полить.

Если я сейчас скажу хоть слово, я взорвусь. Поэтому я молча забираю посуду и плотно закрываю за собой дверь.

Работаю у себя в комнате за компьютером.

– Таня!

Иду в мамину комнату. Мама извиняющим голосом:

– Я тебя от работы оторвала? Посмотри, цветок совсем засох, а я достать не могу, чтобы полить.

Меня начинает трясти. Я хватаю на себя тяжелый горшок с фикусом и перетаскиваю его маме на стол.

– Проверь!

Мама тыкает двумя пальчиками в горшок и задумчиво смотрит на испачканные влажной землёй пальцы:

– Надо же, а я думала, засох.

Я тащу фикус обратно.

Мне сегодня нужно дописать продающий текст заказчику и подготовить несколько постов в группу. У меня стопор. В голове пустота. Кажется, я боюсь выходить из комнаты – как только мама услышит, что я прохожу мимо, она попросит полить фикус. Вот сейчас она сидит на кровати, рассматривает цветок и терпеливо ждёт, когда я загляну к ней.

Бросаю работу, иду на кухню готовить ужин. Прохожу мимо маминой двери.

– Таня!

Заглядываю.

– Посмотри, фикус совсем засох.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать матом. Набираю

на кухне в пустую полуторалитровую пластиковую бутылку воду и иду поливать фикус.

Я поливаю медленно, очень медленно, чтобы мама запомнила.

– Мама, смотри, я поливаю твой фикус. Внимательно посмотри, запомни: я его поливаю.

Я лью и лью. Вода выливается через край горшка и поддона прямо на морозильную камеру и растекается грязной земляной лужей. Я останавливаюсь только тогда, когда вода в бутылке заканчивается.

– Все?

Мама кивает, в глазах удовлетворение.

На следующее утро приношу маме кефир.

– Посмотри фикус, мне кажется, он засох.

Я внимательно смотрю на маму. Я вообще знаю эту женщину? Да, она всегда умела нудить и в последние годы именно так и добивалась своего, когда жила с отцом. Бедный мужик, отчаянно стесняясь и прячась от любопытных соседок, высаживал в огороде маленькие бледные георгины и флоксы. Ворчал, ругался: «Сказал, не буду!», – а в итоге все равно сажал.

Я приношу бутылку с водой и медленно демонстративно выливаю воду в цветочный горшок. Грязная лужа на белой поверхности морозильной камеры, не засохшая со вчерашнего вечера, становится больше. Теперь я понимаю, почему у родителей в доме постоянно гнили цветы. В них всегда хлюпала вода. Отец не спорил, просто поливал – так было проще.

До конца дня все спокойно. Утро начинается традиционно:

– Таня, проверь, фикус не засох?

Я раздвигаю на столе мамин хлам: зеркало, тонометр, тетрадки, планшет, таблетки, какие-то мелко исписанные листочки тетрадной бумаги – не иначе инструкция для меня, как ухаживать за комнатными растениями. Снова взваливаю на себя фикус и переставляю его на стол. Приношу две пластиковые бутылки с водой и выстраиваю рядом. Иду за тряпкой, чтобы смыть грязь с морозильной камеры.

Снова взваливаю на себя фикус и переставляю его на стол. Приношу две пластиковые бутылки с водой и выстраиваю рядом

– А зачем ты мне его сюда поставила? – спрашивает мама, показывая глазами на цветок. – Он мне здесь не нужен.

– Здесь ты его поливать будешь сама.

– Там он лучше стоял.

– Это твой цветок, и поливать его будешь ты.

– А цветы на подоконнике ты давно поливала? – как ни в чем ни бывало спрашивает мама.

Я проверяю землю в цветочных горшках — она влажная. Несколько секунд думаю, потом переношу цветы маме на стол и ставлю рядом с фикусом. Композиция на мамином столе напоминает плохо организованную школьную теплицу. Неужели я решила проблему так просто? Кажется, сегодня я смогу работать, не думая о том, что мне нужно полить фикус.

— — —

И я по-прежнему не догадываюсь, что это деменция. Да, я читала, что старики могут прекрасно помнить все события юности и забывать о том, что сегодня поели. Но мама все прекрасно помнит: и события прошлого, и то, что было вчера, и неделю назад. Я спрашивала, проверяла. Помнит все, кроме фикуса? Мне кажется, она нарочно это делает. Ей скучно, и она ради развлечения издевается надо мной?

4. Корешки

Я опять схожу с ума и не понимаю, что происходит.

– Таня, принеси какую-нибудь чашку, надо цветы в воду поставить.

Что?

Вчера я поставила маме на стол фикус, чтобы она его поливала сама, сегодня у неё новая идея. Фикус стоит весь словно покусанный, у мамы в руках пучки, связанные по трое – всего шесть пучков.

– Надо в воду поставить, пусть корешки пустят.

– Зачем тебе шесть фикусов?

– А вдруг этот пропадёт?

Я несущу пиалу с водой и думаю о том, как скоро фикус пустит корешки. Сколько дней передышки у меня есть?

– Мама, я больше не пойду за землёй. Ты знаешь – у меня болят колени.

– Вова приедет, привезёт, – уверенно отвечает мама.

Ну-ну. Брат будет мотаться к нам из другого города за 150 километров каждый раз, когда маме понадобится земля? Полторы недели проходят относительно спокойно, если

не считать того, что два-три раза в день мне сообщается, что корешки ещё не появились, но, когда приедет Вова, нужно будет обязательно съездить за землёй.

И вот этот день настал.

– Цветы корешки пустили, надо их в землю посадить, – мама крутит перед собой на столе чашку, в которой шесть пучков фикусов.

– Мам, зачем тебе шесть фикусов?

– Тебе в комнату поставим.

– Я тебе сразу сказала, что мне фикус не нужен.

Если честно, я уже испытываю к этому несчастному фикусу чувство злобной враждебности.

Мама смотрит растерянно:

– Земли купить надо. И горшочков.

Ага, прямо сейчас. Для шести фикусов.

– Мама, я предупреждала, что больше не буду таскать на себе мешки с землёй. У тебя и так комната похожа на оранжерею, а не на жилое помещение.

– Вова сказал, не приедет, ему некогда. А фикусы попадут.

– Тебе нужно шесть фикусов?

– Мне одного хватит, – улыбается мама. – Вон какой лохматый стоит.

Фигус, и правда, уже слегка оброс и распушился.

– Мама, давай ещё раз. Тебе хватит одного фикуса, мне фикус не нужен. Зачем я понесу на себе тяжёлые мешки с землёй и горшки?

– Ну так пропадут же, если не посадить.

– Хорошо, представь, что тут перед тобой шесть горшков с фикусами плюс ещё один. Что ты с ними будешь делать?

– Один тебе в комнату поставим.

– Я сказала, нет. В моей комнате не будет фикусов.

– Отдадим кому-нибудь, – растерянно смотрит мама.

– Кому?

– Соседям.

– То есть я буду бегать по соседям и уговаривать их забрать фикусы?

– А вдруг кому-нибудь нужен?

– Окей, мам, поговорим после того, как я вылечу колени.

Несколько минут спустя приношу маме обед:

– Цветы корешки пустили, посадить надо.

Я забираю грязную посуду.

– Таня, земли нужно купить. Цветы корешки пустили.

Я собираюсь в магазин за молоком и хлебом.

– За землёй не забудь зайти.

Да, конечно, за землёй полтора километра в противоположную сторону.

Следующее утро начинается предсказуемо:

– Цветы корешки пустили.

Я стараюсь не реагировать на каждую провокацию и не ссориться, но внутри закипаю. Мне нужно работать, но вместо этого я сижу и психую. Пусть я стерва, я плохая дочь, но нам не нужно шесть фикусов!

Следующие три недели становятся моим кошмаром. Каждые полчаса мама напоминает про корешки, которые пропадут. Напоминает терпеливо и спокойно, как будто говорит об этом в первый раз.

– Ну что же делать, раз Вова не может приехать – надо за землёй идти, – грустно сокрушается сама с собой как о решённом факте.

Я перестаю лишний раз заходить к ней в комнату. Только принести поесть, убрать посуду и поднять таблетки, которые она уронила на пол. Этих 8—9 раз в день хватает, чтобы столько же раз напомнить мне про корешки. Меня трясёт. Я психую весь день, чувствую себя тупой и беспомощной. Ночью, когда мама, наконец, засыпает, я выпиваю несколько

кружек приторно сладкого кофе, через пару часов прихожу в себя и начинаю работать.

Ложусь спать около 6-ти утра. В семь встаю, чтобы принести маме кусочек ржаного хлеба и кефир – ее любимый завтрак.

– Ты за землёй сегодня пойдёшь? – как ни в чем ни бывало спрашивает мама, делая ударение на слове «сегодня».

— — —

Вся эта история с цветами начинает казаться мне откровенным издевательством. Я не понимаю, зачем она это делает. Может быть, все-таки деменция? Да, я читала, что больные с деменцией не воспринимают никаких логических аргументов. Но она сама выстраивает такие логические цепочки, что я просто дурею.

А еще она прекрасно все помнит, ориентируется во времени и в пространстве, может наизусть цитировать классическую русскую поэзию, весело щебечет с внуками по телефону, расспрашивает, как у них дела. Она помнит, что ела вчера и сегодня на обед, о чем ей рассказала сестра по телефону, какую новость утром прочитала в Интернете и какую вкусняшку я ей обещала купить позавчера. И вот уже почти месяц ежедневно, каждые полчаса напоминает мне про

корешки и землю. Нет, я не понимаю, что происходит.

5. Одного бы хватило

И я опять не могу понять: это деменция или какая-то изощренная форма издевательства?

– Ну вот, пропали, – грустно констатирует мама, вытаскивая из чашки с водой пучки фикуса и внимательно их разглядывая. – Только один остался. Может, мы его все-таки посадим?

– Он тебе нужен?

– Конечно.

– Куда мы его денем?

– Тебе в комнату поставим.

– Тогда просто выброси.

– Ну хорошо, пусть у меня стоит, – соглашается мама.

Я решаю, что один маленький фикус – это не стихийное бедствие, и пары литров земли ему хватит. Покупаю землю и горшок, расстилаю у мамы на столе газету:

– Твой фикус, ты и сажай.

Мама сосредоточенно ковыряется в земле, высаживает фикус. Я убираю остатки земли, затираю грязь. Я уже знаю, что это не все. Что она придумает в следующий раз?

Следующий раз наступает через полчаса.

- Таня, подвинь мне ближе вон тот большой фикус.
- Зачем?
- Я ещё веточек наломаю, пусть корешки пустят.

Меня снова трясёт. Зачем она это делает? Неужели сходит с ума? Наверное, да, я просто боюсь себе в этом признаться. Мне предстоит жить в одном доме с сумасшедшей женщиной, которая все еще является моей матерью.

– Если нужно, сама достанешь, – отвечаю я и передвигаю фикус подальше.

Брат с детьми приезжает через пару недель. Внук, увидев толстую тетрадь, мелко исписанную логическими задачками (см. главу 1), которые приготовила для него бабушка, ментально теряет к ней интерес. Каждый раз пытается положить тетрадку куда-нибудь подальше, чтобы бабушка забыла о ней, а потом делает вид, что не может найти. Маленький хитрец!

У нас с братом есть одно дело – вывезти маму на экскурсию в торговый центр. В деревне она отчаянно стеснялась даже за ворота выйти на костылях, а здесь, в городе, мы с ней гуляем два раза в неделю – она потихоньку с моей помощью спускается по ступенькам, выходит из подъезда и садится в коляску. Мы едем на берег реки, и она уже видела колясочников, которые гуляют там же. Кажется, она начинает пони-

мать, что в коляске гулять не стыдно.

За последние лет 12 мама ни разу на была в магазине, ей очень хочется. Все ближайшие магазины ютятся в старых зданиях, построенных ещё в советское время, с коляской нам в них не развернуться – надо ехать в торговый центр. Это и к лучшему – мама помнит ещё магазины 90-х, пустые прилавки и убогие интерьеры. Пусть убедится, что в магазинах сейчас все есть и не нужно запастись впрок.

Мы едем с мамой по торговому центру – я толкаю перед собой её коляску, у брата огромная продуктовая тележка.

– Мам, сколько тебе нужно земли? – останавливаюсь я возле стеллажа с цветочным грунтом.

– Ну, мешков пять, – оценивающе приглядывается мама.

Возможно, она хочет больше, но я предупредила, что вся земля будет храниться в ее комнате – это не деревня, здесь нет бани и стаек, и я не буду хранить землю в платяном шкафу и на книжных полках.

– Складирую мешки у тебя под кроватью, будешь жить на земле, – пообещала я.

Мы взваливаем на тележку пять десятилитровых мешков земли, сверху водружаем вазу для цветов, которую выбрала себе мама. Едем на кассу.

Дома я придумываю загрузить мешки с землёй в старую стиральную машинку, которую мама никак не согласилась продать в деревне за ненадобностью, и которая теперь занимает целый угол в её комнате. Земля плотно утрамбовывается во внутреннем пространстве машинки.

– Так вот зачем вы её из деревни везли, – иронизирует брат.

Земля плотно утрамбовывается во внутреннем пространстве старой стиральной машинки

Гости уезжают, а я не могу удержаться и спрашиваю маму:

— Когда фикус начнёшь рассаживать?

— Зачем? — удивляется она. — У меня и так их два, одного бы хватило.

Интересно, зачем мы покупали землю?

— — —

Я сижу всю ночь в Интернете и читаю статьи о том, как ведут себя больные с деменцией. Путаются во времени, забывают, где находятся, забывают, что хотели сделать, забывают имена родных и близких, размазывают какашки по стенам. Нет, у мамы точно не деменция. Тогда что это? Почему она почти два месяца изводила меня тем, что заставляла идти за землей для фикусов, а как только появилась земля, фикусы ей уже не нужны. Это какая-то изощрённая форма издевательства?

6. За что ты меня ненавидишь?

Я уже полчаса ползаю на коленях, раскладывая по полу неровно нарезанные старческой рукой прямоугольники газетной бумаги.

– Давай попробуем вот тот, большой, в середину подвинуть.

– Мама, мы уже пробовали несколько раз.

– Давай ещё попробуем, – мама воодушевлена, ей нравится затея.

Я уже полчаса ползаю на коленях, раскладывая по полу неровно нарезанные прямоугольники газетной бумаги

Колени болят невыносимо. Я уже готова подписать акт о полной своей капитуляции перед болезнью и купить в дом швабру – чтобы не ползать на больных коленках, когда мою полы. А вот сейчас ползаю перед матерью, раскладывая бес-

полезные клочки газет. Унизительно и больно – я презираю себя за слабость и малодушие. Раздражение накапливается внутри и вот-вот вырвется наружу.

Все началось несколько месяцев назад. Когда же это было? В феврале? Сейчас июль. Мама сказала, что хочет коллаж в рамках с фотографиями всех своих детей и внуков. Я спорить не стала. В конце концов, если мама хочет каждый день любоваться родными лицами, мое дело – помочь.

– Мам, давай фотографии. К лету подкоплю денег, закажу под них современные рамки, подберу размеры.

И завертелось. Выяснилось, что коллаж мама хочет большой – на всю стену, и ни одна из имеющихся у нее фотографий не подходит – либо они маленькие, размером с ладошку, либо сделаны 3—4 года назад, а внуки с тех пор подросли. Мама каждый день звонит сыну и внучкам, объясняет, какие фотографии ей нужны. Те говорят: «Ага», – и ничего не присылают. Мама звонит снова, напоминает. Потом еще раз и еще. Наконец, ей скидывают фотографии в Вайбере – маленькие размытые иконки, которые маме не нравятся.

И тогда она переключается на меня:

– Эти фотографии мне не нравятся, надо попросить, чтобы прислали другие.

Я звоню брату, объясняю, почему мне срочно нужно от-

править в хорошем качестве фотографии его семьи. Он говорит: «Ладно», – и забывает. Мама несколько раз в день интересуется:

– Так я не поняла, Вова прислал фотографии? А ты ему звонила? А он сказал, когда придет?

Я снова звоню брату, в ответ:

– Слушай, я на работе, мне делать больше нечего, как искать сейчас фотографии.

А мне тоже делать больше нечего. Я оправдываюсь по семь-восемь раз в день, почему у меня до сих пор нет фотографий.

Наконец, фотографии у меня в почте. Качественные студийные снимки всей семьи. И начинается новый этап.

На всех фотографиях сын с бородкой:

– Терпеть не могу с бородой. Противно!

– Другой нет.

– Надо без бороды.

На другой внучка Настенька в обнимку с большой белой собакой:

– Зачем мне эта собака? Не нужно мне на стене собак.

На третьей внуки под новогодней елкой:

– Они же здесь еще совсем маленькие! Нужно такие, как сейчас!

Каждое утро начинается с того, что я приношу маме в комнату ее любимый завтрак – кружку кефира с пластиком свежего черного хлеба.

– Таня не забудь позвонить Вове, сказать, чтобы прислал фотографии.

– Мама, он уже трубку не хочет брать, когда я звоню. Он все тебе отправил, что у него есть.

– Скажи ему, что эти не годятся.

Второй раз мама напоминает про фотографии, когда я захожу забрать грязную кружку:

– Ты еще и Насте позвони, пусть она тоже пришлет.

Настя – моя племянница, дочь брата.

Третий раз случается, когда я уже надеваю пальто, торопясь на утреннюю тренировку:

– И Оле позвони, мне не нравится, что она в прошлый раз прислала.

А Оля – это еще одна внучка, моя дочь.

Уходя, в сердцах хлопаю дверью.

Вечером я отчитываюсь, кому позвонила, показываю свежие фотографии в Вайбере, выслушиваю критику в их адрес и просьбы позвонить еще раз и попросить еще. Через каждые полчаса мама уточняет:

– Так ты позвонила? – и смотрит внимательным серым взглядом.

После трех месяцев нервотрепки заказываю рамки в интернет-магазине – как только придут, напечатаю под них то, что есть. Если ей не понравится – выброшу. Только бы закончить со всей этой историей. Ждать пока придут, больше месяца.

Выбор фотографий продолжается, а у мамы тем временем появляется новая идея – нарезать газет и составить из них макет будущего коллажа. Зачем, если рамки уже куплены и едут к нам, а макет я составила в Фотошопе и распечатала ей на листочке?

Нет, она не командует и не заставляет, но раз пять-шесть в день подзывает к себе, смотрит жалобно и просит:

– У тебя есть время? Может, попробуем, – и протягивает листочки.

В этом нет смысла – размер рамок совершенно другой, чем у этих газетных обрезков. У меня болят колени, и я не могу ползать по полу, раскладывая газеты. Мама сочувственно вздыхает, а через полчаса снова подзывает к себе:

– Тебе не легче коленям? Может, попробуем? – и протягивает газетные листочки.

– Всё, больше не могу, – сдерживая раздражение, встаю, сгребая в охапку газеты и комком скидываю маме на кровать.

– Устала? Ну, давай завтра продолжим, – в голосе мамы звучит сочувствие, словно насмешка или издевательство.

– Нет. Я не буду этого делать завтра, – я отчетливо делаю паузу после каждого слова. – Я больше никогда этого делать не буду! Я объясняла тебе сто раз. Это бессмысленно. У рамок совсем другой размер. Привезут, напечатаем фотографии, тогда и разложим.

– Ну вот пока их не привезли, мы и придумаем, как лучше повесить, – глубокомысленно изрекает мама.

– Мама! Не делай из меня идиотку! Ты меня не слышишь! Я больше не буду ползать с твоими бумажками, – я взрываюсь, хлопаю дверью и останавливаюсь в коридоре, прижавшись лбом к прохладной стене.

Я больше не могу. Хочется кричать и биться головой о стену. Когда закончится этот кошмар? Кто из нас двоих сломается первым? Наверное, я. Эти невыносимо жалостные глаза заставляют чувствовать себя полным ничтожеством. Вот сейчас я опять чувствую себя виноватой из-за того, что накричала на мать.

Показалось, что кто-то всхлипнул. Открываю дверь в комнату – мама смотрит на меня мокрыми глазами. Жалкая, сгорбленная, несчастная.

– Мам, ты чего?

Она всхлипывает и шмыгает носом:

– Я не понимаю, за что ты меня ненавидишь.

— — —

Я закрываю глаза и со всей силы бьюсь лбом о стену. Бьюсь до тех пор, пока голова не начинает гудеть, как чугунный котел. А потом опять всю ночь сижу в Интернете, чтобы понять, деменция это или нет. Как мне с ней себя вести, как разговаривать? Читаю описания и ничего не могу понять. Концы с концами не сходятся. Нет, все-таки не деменция. Но тогда что?

7. Приступ удушья

Мама задыхается. Дышит тяжело, с трудом втягивая в себя воздух. С таким я сталкиваюсь впервые. После нескольких секунд растерянности хватаюсь за телефон:

– Мам, потерпи, я вызываю скорую.

– Не надо скорую, накапай мне корвалол.

А он поможет? Приношу кружку с водой, капаю корвалол.

– Я звоню в скорую.

Мама смотрит измученными глазами и укоризненно произносит:

– Ты лучше фотографии сходи сделай.

Что?

– То есть я должна бросить мать, которая задыхается в постели, и пойти печатать фотографии? Ты понимаешь, что говоришь?

– Мне уже гораздо лучше.

И правда, дыхание становится легче, но все равно дышит ещё тяжело.

– Я сегодня вообще никуда не выйду из дома и буду каждые пятнадцать минут проверять тебя, – говорю я.

– Да я уже лучше себя чувствую. Фотографии заказать...

– Так, фотографии я закажу завтра. И только в том случае,

если приступ не повторится.

Мама смотрит так, словно обдумывает какую-то серьезную мысль. Дыхание все ещё тяжелое.

– Если завтра ты будешь чувствовать себе хорошо, я пойду и закажу тебе фотографии.

Весь день выполняю своё обещание – постоянно заглядываю в комнату к маме узнать, как дела. Дела с переменным успехом, но острый приступ не повторяется. Снова капаю корвалол:

– Мама, давай скорую...

– Ты лучше подай планшет, я покажу в Вайбере, какие фотографии...

– Мама, ты задыхаешься, какие фотографии, пей корвалол.

– Да я просто покажу, какие мне нравятся. И позвони Насте, чтобы она еще фотографии прислала.

– Она сейчас в школе.

Мама снова начинает задыхаться.

Меня потряхивает. У меня срочный заказ – завтра вечером я должна отправить заказчику макет буклета. Вместо того, чтобы работать, я бессмысленно пялюсь в монитор.

Не могу понять, что происходит. Зачем ей прямо сейчас эти фотографии? Заказанные рамки придут только в следу-

ющем месяце, а фотографии понадобилась сейчас.

– Настя отправила фотографии?

– Нет ещё.

И у мамы снова начинается одышка.

Я иду в аптеку – закончился корвалол, а мне нужен пустырник. За весь день я не смогла сверстать ни страницы. Пытаюсь успокоиться и судорожно хватаю воздух, который не проходит в легкие – кажется, у меня тоже приступ.

Звоню племяншке – спокойно, только спокойно, не испугай ребёнка:

– Настя, срочно отправь фотографии – любые, какие есть у тебя в телефоне. Настя, это очень срочно!

– Да, сейчас.

Кажется, я её все-таки напугала. Вечером ещё раз сообщаю маме, что завтра пойду заказывать фотографии только в том случае, если она будет хорошо себя чувствовать. Мама успокаивает, что ей уже хорошо.

Ночью работа не идёт, мне все ещё трудно дышать. Время от времени я тихонько приоткрываю дверь в комнату мамы и слушаю, как она дышит. Мама спит. Дыхание спокойное и свободное. Я засыпаю только на рассвете.

В 7 утра приношу маме традиционный утренний кефир.

– Ты сейчас поедешь делать фотографии? – с ударением на слове «сейчас».

– Семь часов утра – ещё все закрыто.

Я сижу на кухне и думаю, что делать с заказом – как объяснить клиенту, что я не успеваю вовремя? Он мне вообще-то доплачивает за срочность.

– Таня!

Слабый голос из спальни. Сердце начинает колотиться, я несусь в спальню.

– Накапай мне корвалол?

– Опять?

– Прихватило.

– Теперь ты понимаешь, что я никуда не могу пойти?

– Да это чуть-чуть, мне уже лучше.

И вот я сижу в кафешке в двадцати метрах от фотостерской и тяну через трубочку дешевый сладкий капучино из бумажного стаканчика. Мне некуда торопиться, у меня уйма времени – фотографии будут готовы только к четырём вечера, а я не могу, просто не могу пойти домой. Там в постели задыхается больная мама, а я собираюсь до вечера ждать фотографии. Звоню.

– Не беспокойся, мне уже хорошо. Дождидайся фотографии, не волнуйся, – голос бодрый и звенит колокольчиком. Я кладу смартфон и замечаю, что рука дрожит.

Заказываю вторую порцию кофе – ну и гадость. У меня впереди весь день. Звоню заказчику, обещаю отправить макет завтра утром – прямо к началу дня. А сама пытаюсь понять, что происходит.

Мама имитировала приступ удушья, чтобы получить то, что хочет? Моя мама, которая ни разу в жизни никого не обманула и просто не умеет притворяться? Нет, на такое лицемерие она не способна.

Тогда что это? Думай же, думай. Подсознание? Старческое подсознание, которое полностью контролирует её мозг? Это оно манипулирует мною? А что будет дальше? Сейчас она добилась своего, подсознание получило сигнал, что именно таким способом она может добиться всего, чего хочет. В следующий раз, когда я не смогу немедленно выполнить не просьбу, у неё снова начнётся приступ удушья? Я мысленно прокручиваю этот сюжет до конца. Каждый день – новый приступ. Корвалол, несчастные глаза...

Если я отказываюсь выполнить очередную нелепую

просьбу, приступ усиливается. У неё слабое сердце плюс сосуды и инсульт. Однажды она не выдержит, а я всю жизнь буду винить себя за то, что убила свою мать.

Господи, а делать-то что? Это надо остановить – прямо сейчас. Как?

Я понимаю, что уже допустила ошибку – поддалась на манипуляцию и пошла заказывать фотографии.

Я забираю фотографии, звоню маме. Мама радостно сообщает, что у неё все в порядке, она проспала весь день, чувствует себя хорошо и ждёт меня. Я не хочу возвращаться домой. Я не хочу оказаться в месте, которое называю своим домом. Но у меня нет выбора.

Я готовлю маме ужин, измеряю давление и иду пить пустырник – меня все ещё трясёт, а мне предстоит работать всю ночь.

— — —

Я запуталась, как муха в паутине. Мой мозг не способен анализировать происходящее. Я помню, как мама с негодованием рассказывала о своей первой свекрови, как та манипулировала близкими, притворяясь больной. Неужели все-таки инсульт, произошед-

ший с мамой пять лет назад, так изменил ее? Неужели я теперь никогда не смогу достучаться до нее, и мне придется жить с этим всю оставшуюся жизнь. Я вспоминаю несчастные мамины глаза, полные слез, и снова чувствую жгучее чувство вины.

И опять рядом нет никого, кто бы мне объяснил, что это деменция. И рассказал, как с этим жить и что делать.

8. Это уже не они

Манипуляции надо пресекать на корню. Поэтому я начинаю серьезный разговор.

– Мама, нам нужно поговорить о том, что произошло вчера.

– А что произошло вчера?

– У тебя был приступ удушья. Ты не дала мне вызвать скорую и отправила за фотографиями. А теперь слушай – это не я придумала, это пишут психологи. Подсознание стариков очень часто начинает симулировать приступы болезни, чтобы добиться от детей любви и внимания.

– Это не про меня, – мама весело улыбается.

Так... Её мозг блокирует эту информацию. Тем более люди ее возраста вообще не знакомы с понятием подсознание.

– То есть ты хочешь сказать, что ты вчера специально инсценировала приступ удушья, чтобы вынудить меня пойти заказать фотографии? Тебе не кажется, что это подло?

Мама смотрит растерянно – такое ей в голову не приходило. Она вообще больше не способна осмысливать свои поступки?

Вторая попытка.

– Мама, повторяю, это не я придумала, поверь, наше подсознание может манипулировать нами, а это опасно. Однажды ты не сможешь сразу получить то, чего хочешь, и просто задохнёшься.

– Это не про меня, – упрямо повторяет мама, и я натякаюсь на совершенно пустой серый взгляд.

Безнадежно.

– Хорошо, тогда так. В следующий раз, когда у тебя случится приступ удушья, я сразу вызываю скорую. Это не обсуждается. С твоим сердцем удушье очень опасно.

Я говорю очень жестко и вижу в маминых глазах страх. Я уверена, что поступаю правильно. Но чувствую себя очень мерзко. Я знаю, что больше всего на свете мама боится попасть в стационар – ей даже insult пришлось лечить на дому, платить за капельницы и уколы, потому что она со слезами умоляла не класть её в больницу. Здесь, дома, все удобства: немецкая ортопедическая кровать с массой приспособлений, которые помогают ей лечь и встать, у изголовья ведерко, в которое она в любой момент может пописать, в крышку тяжелого доисторического письменного стола по периметру ввинчены дверные ручки – за них мама цепляется, прежде чем встать на костыли.

Ещё один страх – в стационаре ей придётся есть больничную пищу. А еда в последнее время – единственное доступное для нее удовольствие, о котором она готова говорить с утра до вечера.

Мама слушает молча и пришибленно.

Вечером у мамы снова начинается приступ удушья. Интересно, что она хочет получить на этот раз?

Я не даю ей сказать – быстро накапываю корвалол и команду:

– Где у тебя ночная рубашка? Тапки? Собери таблетки на несколько дней.

– Зачем? – испуганно спрашивает мама.

– Что ты будешь делать в больнице без пронорана и леводопы? Тебя положат в терапию, а не в невралгию. Я вызываю скорую.

– Не надо, – испуганно лепечет мама, – мне уже лучше.

Краем глаза наблюдаю, что мама действительно дышит уже легче, но продолжаю упаковывать больничный пакет.

– На всякий случай, вдруг приступ повторится.

Я уже знаю, что с таким приступом её, скорее всего, в стационар не увезут, просто сделают укол, дождутся улучшения и уедут. Но пока страх парализует её мозг, я могу управлять

ситуацией. Мама сидит на кровати и опасливо поглядывает на пакет с вещами, который я оставила на видном месте. Приступ прошёл.

Утром все повторяется снова. Корвалол, пакет на видное место, я начинаю набирать номер телефона. Приступ проходит буквально за несколько минут, а я так и не успеваю узнать, чего же она хотела на этот раз.

Прошло семь месяцев. Приступ удушья больше ни разу не повторялся. Хотя первые дни я со страхом ждала его возвращения.

А вчера разговорила с тренером в тренажёрном зале.

– А вы почему душ после тренировки не принимаете? – спрашивает она.

– Домой тороплюсь, у меня мама дома одна.

– Инвалид? Тяжело...

– У вас тоже?

– У соседки мать. Приходится выручать. Я у них пугалом работаю. Казалось бы, родной человек, а ссоры, ругань... Как что не угодили, начинает задыхаться, тогда прибегают за мной. А меня она боится – я руку держу у ее груди, – показывает, как, – и кручу глазами: «Дыши! Дыши, говорю!», – голос собеседницы становится жестким, с металлическими нотками, – Начинает дышать.

– А скорую?

– А скорая только ругается – пока они едут, у неё уже и приступ прошёл, лежит розовенькая, улыбается. Только уедут, все снова.

Я слушаю.

– Нам кажется, что это наши близкие, родные. А это уже не они. Это уже мозг сыграл с ними злую штуку – от родного человека только тело осталось, – говорит моя собеседница.

Да, это моя мысль. Просто я боюсь себе в этом признаться. Значит, я правильно сделала, вовремя прекратила то, что могло стать самым настоящим ежедневным кошмаром. Только почему же мне так тошно от моей правоты?

— — —

Это очень важно – пресечь манипуляцию сразу, в самом начале, пока она не закрепились в сознании больного человека как стереотип поведения. Мама в свое время очень много лежала в больницах – сначала на сохранении, потом несколько раз в кардиологии, потом несколько стационарных обследований, гинекология, две операции на тазобедренных суставах. Больница в ее сознании закрепились как очень плохое место, куда она больше не хочет попасть. Я просто сознательно и цинично запугала маму, сыграла на ее

страхе снова оказаться в больнице. У меня все получилось. Но мне плохо от того, какими методами я это сделала. Это же моя родная и любимая мама!

И снова изнутри грызет чувство вины. Сейчас я понимаю, что именно чувство вины перед мамой мешало мне посмотреть правде в глаза и признать, что у нее деменция.

9. Нервы лечить надо

Мне снова стыдно за то, что я сорвалась на маму, что я угрожала и кричала.

– Тань, сфотографируй мне мой коллаж с внуками.

– Зачем?

– Людмиле отправлю, она просила.

Кажется, я поторопилась с выводами, когда решила, что многомесячная эпопея с фотографиями в рамках на стене завершилась.

Дочь специально приехала из краевого центра, чтобы привезти бабушке большую фотографию — 50 x 60, как оказалось, в нашем маленьком городке не печатают. Вчера она оперативно замерила стену, ввинтила шурупы и развесила рамки с фотографиями.

И вот теперь эту стену нужно сфотографировать и отправить в Вайбере тётке, которая на самом деле ничего не просила. Откуда я знаю? Все просто. Год назад, когда мы въехали в новую квартиру и первым делом заказали кое-что из мебели, мама так красноречиво описывала свои новые интерьеры по телефону, что сестра не выдержала и попросила:

– Ну, ты хоть фото отправь.

И началось...

Фотографировать нужно было все, что покупалось в дом. Снимки должны были быть хорошего качества – такие, как на сайтах, где мама рассматривала европейские интерьеры. Я делала снимки на свой старенький пятый айфон и отправляла маме на Вайбер. Мама критически рассматривала и сообщала, что фотографии не годятся – качество не то, и нужно, чтобы в кадр попала вся комната целиком вместе с цветами и мебелью.

Я фотографировала комнату по частям и снова отправляла на Вайбер.

– Не надо по частям, надо, чтобы все было на одном снимке, – спокойно говорила мама.

– Мама, это у человека угол зрения 180 градусов, а у фотообъектива в два раза меньше.

Я рисовала на бумажке, что такое фокусное расстояние, как образуется угол обзора. Объясняла, что даже если бы у меня был дорогуший широкоугольный объектив, он все равно бы не справился с задачей в маленькой комнате с неравномерным односторонним освещением из окна.

Мама снова выслушивала серьезно и спокойно, а потом спрашивала:

– Так ты сфотографируешь?

После пятой-шестой просьбы в день я взрывалась.

– Чего ты кричишь, – удивлялась мама. – Ты бы лучше сфотографировала.

Если маме что-то взбредёт в голову, то она будет повторять это каждые 10—15 минут день, неделю, месяц. Я вспоминаю, что у родителей в доме всегда орал телевизор – теперь я понимаю почему. Отец так защищался. Включил погромче: «А? Что? Да ну тебя, не мешай, я смотрю». Я ловлю себя на мысли, что тоже хочу спрятаться за телевизор.

Через несколько дней я не выдерживаю и звоню тетке.

– Да господи, – смеется она, – щелкни, что получится, и не мучайся.

– Делала, маме не понравилось.

В общем, тетка пообещала, что фотографий просить не будет. Если надо, попросит прямо у меня, но чтобы мама была не в курсе.

А маме по-прежнему нужны были фотографии. Когда я срывалась и начинала кричать, она спокойно отвечала:

– Да я тут при чем? Мне-то что? Это Люда просит, ей надо.

И вот теперь нам потребовалось сфотографировать коллаж.

– Только так, чтобы все фотографии вошли и цветы, – инструктирует мама. – И окно.

Дочь смотрит на мое выражение лица и говорит:

– Мам, иди, я сделаю.

Фотографирует на смартфон и отправляет бабушке. Та недовольна – не все цветы вошли, в кадр не попали окно и тумбочка, которая стоит у противоположной стены.

– Ну, извини, больше никак, – улыбается дочь.

– Темная сильно, плохо видно, – критикует бабушка. – Тень какая-то возле окна.

– Освещение у тебя в комнате такое.

– Светлее надо, – упрямится та.

Дочь поднимает на снимке экспозицию и снова отправляет его бабушке. Та смотрит и сосредоточенно молчит.

– Вот видишь, мам, а ты волновалась, – улыбается дочь. – Все в порядке.

Что-то подсказывает мне, что нет, не в порядке. Я провожаю дочь до автовокзала и возвращаюсь домой.

– Таня, сфотографируй мне стенку с фотографиями.

– У тебя уже есть фотография.

– Она нечеткая. Вот в Интернете же хорошие фотографии, смотри, я скачивала. Четкие. А эта нет.

Я начинаю подозревать, в чем дело. Обстановка комнаты

со всем ее «жизненно необходимым» хламом, вывезенным из деревни, никак не дотягивает до европейского интерьера с интернет-картинки. И тут не поможет даже профессионал с навороченной камерой.

– Отправляй эту или мы снова поругаемся.

– Да на ней ничего не видно. Цветы не вошли, лица на фотографиях не четкие.

Мечты и реальность. Интерьер комнаты явно не дотягивает до уровня студийной интернет-картинки

Мама пальцами на планшете раздвигает снимок, увеличивая его в десятки раз, лица в рамках расплываются. А, так мы хотим, чтобы на фотографии была вся комната целиком, но при этом лица на маленьких квадратиках при увеличении были четкими?

– Ну вот же на всех фотографиях лица видны, – упрямо говорит мама, рассматривая исходники фотографий каждую по отдельности. – А когда все вместе на стене – не видно.

Чудесно! Как ей это объяснить?

– Мама, ты можешь мне просто поверить, что это невозможно.

– И надо, чтобы фикус и шефлера вошли, – спокойно продолжает мама.

Я взрываюсь:

– Я сейчас вызову строительную бригаду и мы снесем к чертовой матери в этой квартире все стены! Тогда я смогу отойти на 15 метров, чтобы сфотографировать твою стену так, как ты хочешь.

– Нет, стены мы сносить не будем, – рассудительно говорит мама, словно я предложила ей что-то совершенно обычное.

– Если ты ещё раз попросишь сфотографировать свою чёртову стену, я сниму с неё все эти фотографии и вместе с рамками сожгу на помойке! – ору я.

Мама смотрит обиженно:

– Неужели нельзя просто сфотографировать.

– Ты опять?

Я резким движением скидываю со стула какие-то тряпки, сдвигаю мамин хлам на столе и лезу наверх. От резких движений боль стреляет в оба колена. Уже стоя на столе сообщаю:

– Шурпы выкручивать не буду – будешь на них любоваться всю жизнь!

– Не надо, – жалобно просит мама.

– Что не надо?

– Я больше никогда ни о чем тебя не попрошу, – в голосе слезы.

– То есть ты больше не будешь просить меня сделать фотографии?

– Я отправлю ту, которую мне внучка сделала.

– Отправляй! Прямо сейчас – я жду!

Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание – словно кто-то сжимает руки на моей шее.

Мама медленно, очень медленно – ей редко удастся попасть с первого раза на нужную кнопку – открывает Вайбер и отправляет снимок. Только после этого я спускаюсь со стола и собираю раскиданные по полу тряпки.

Мама насуплено молчит, наблюдая за моими действиями. Потом сообщает:

– Тебе нервы лечить надо. В кого ты такая психованная?

Я ухожу и со всей силы хлопаю дверь.

Опять психую до поздней ночи, пью пустырник, выпиваю несколько чашек кофе. И только потом начинаю работать.

До утра мне нужно написать хотя бы пару постов в соцсети для учебного центра. Что там по плану? Первый – как организовать своё время и пространство, чтобы работать продуктивно. Второй – о том, как правильно ставить цели, чтобы они работали. Я вижу в этом злую иронию. Какие у меня могут быть цели? У меня нет даже времени и пространства.

— — —

Если бы у меня еще тогда хватило мужества написать об этом в социальных сетях! Да, я получила бы сотню сообщений о том, что мне надо лечить нервы, что нельзя так вести себя с мамой – она же моя мама! Но нашелся бы человек, который бы написал: «Таня, это деменция! Да, деменция может быть такой! Да, больные с деменцией упрямы и настойчивы. Не пытайся ничего объяснить, это бесполезно». Сколько нервных клеток я бы тогда сохранила! Скольких ошибок бы избежала! Но тогда я не решилась опубликовать свои записки. Мне было стыдно.

10. Продам надежду на чудо. Бесплатно

Интересно, если бы мне еще тогда сказали, что да, это де-менция, я бы поверила?

Утром просыпаюсь – мама сидит с планшетом в руках и выжидательно на меня смотрит. Ну точно, опять что-то «интересное» в Интернете нашла и хочет мне показать.

– Я вот тут одно хорошее лекарство для суставов нашла, не знаю, как заказать.

– Сколько стоит?

– Сегодня бесплатно.

Ясно. Новое уникальное средство – мазь Artidex. С пантами марала. Напрочь вылечивает позвоночник, бурситы, суставы и далее по списку, полностью восстанавливает хрящевые ткани. Фоточки «до» и «после», как полагается.

В государственном реестре лекарственных средств этой мази нет – проверила.

– Мама, это мошенники.

– Я все понимаю, – смотрит жалобно. – А вдруг поможет?

Нашла и дала почитать пару статей про то, что в современной медицине не существует ни наружных, ни внутренних средств, способных полностью восстановить сустав. Сидит, чуть не плачет.

– А вдруг хоть чуть-чуть боль снимет?

Нашла в Интернете реальные отзывы людей про это медицинское чудо – «бесплатный» Artidex обошелся людям в восемь тысяч рублей и ни от чего не помог. Распечатала и дала прочитать.

– А вот смотри, на сайте про него очень хорошо пишут, – мама упрямо тычет пальцем в планшет. – Людям очень помог.

– Там телефоны этих людей есть, чтобы позвонить и спросить?

– Нет.

– Ну?

– А вдруг поможет? – и снова на глазах слезы.

А у меня снова пропал весь день. Вместо того, чтобы работать, я ищу в Интернете отзывы на несуществующее лекарство и спорю с пустотой. Мне надо зарабатывать деньги на реальные лекарства, которые мы покупаем маме каждый месяц, потому что они не входят в федеральный перечень

бесплатных лекарств для инвалидов. Один только мирапекс стоит восьмую часть маминой пенсии. А мама смотрит на меня глазами кота из «Шрека» и жалобно повторяет:

– А вдруг поможет.

И я снова чувствую себя виноватой, потому что лишаю ее последней надежды. Ей тут реальное чудо пообещали, свет в конце туннеля, а я ей – бац! – и весь доступ к чуду перекрыла.

Я могу сейчас выйти из ее комнаты и хлопнуть дверью, но через полчаса все начнется снова. И завтра, и послезавтра...

– Все, – говорю, – если человек хочет, быть обманутым, он имеет на это право.

Радостно кивает.

– Разговаривать будешь сама, мне трубку не предлагай.

Кивает.

Ввожу в форму на сайте ее номер телефона, через несколько секунд звонок.

А дальше все по сценарию: бабушка рассказывает про свои суставы, ей обещают, что у нее боли прекратятся и новые суставы отрастут (ага, вместо имплантов), сначала предлагают купить упаковочку мазей за 8 тысяч, потом делают скидку на инвалидность и цена становится уже 5 тысяч с ко-

пейками. И еще два тюбика в подарок – абсолютно бесплатно. Слышу, мама диктует адрес. Затем мои имя, фамилию и отчество.

– А ты зачем мое имя им продиктовала?

– Ну я же не смогу сама на почте лекарство забрать, а ты сходишь, заберешь.

Ну какая же это деменция? Адрес помнит, с логическим мышлением все в порядке.

В доме мир. Надолго ли? Восемь вечера, я только сажусь работать. Мама читает в планшете медицинские статьи про лечение суставов, которые я ей отправила в Viber. Молча читает. Сопит.

В общем, получила я на почте чудо-мазь. Все пять тюбиков за 5 тысяч. И два в подарок – бесплатно. Мазь как мазь, делают в Бийске, реальная цена такой мази в магазине рублей 70. И копия сертификата на косметическую продукцию прилагается. Косметическую!

– Чтобы, – говорю, – все до капли измазала. И не дай бог, пожалуешься, что не помогает – планшет заберу и в окно выброшу.

Целый месяц мама исправно лечилась. Лечится и молчит. Молчит и лечится. Подозрительно долго молчит. Все-таки

помнит, что я обещала планшет выбросить!

– Ну как, – спрашиваю, – суставы восстановились?

– Кожа на коленках мягкой стала, как у ребенка, – смеется. – А больше никакого эффекта.

И что, думаете, на этом все закончилось? Сначала нам потребовалось удивительное средство для похудения, которым Елена Степаненко пользовалась, и ей очень помогло.

– Мама, чтобы похудеть, нужно жрать меньше, а не таблетки пить. Все, сегодня не будет ужина.

Мама испуганно:

– Я же не себе, я тебе предлагаю!

– А мне зачем?

– Ты же в бассейн, на йогу ходишь, а тут никуда ходить не надо. Минус 20 килограммов за месяц.

– На йоге и в бассейне я хоть какую-то радость от жизни получаю! Ты меня всех удовольствий собираешься лишить?

– Ну и ходи на свою йогу, а таблетки все равно надо купить.

Я более получаса такой дискуссии не выдерживаю, начинаю заводится и повышать голос. А у мамы терпение железное. Она будет рыться в своем планшете и методично каждый раз, когда я прохожу мимо ее комнаты, убедительно и спокойно говорить:

– Ну, ты вот почитай, что пишут. Очень хорошо пишут.

Или:

– Тут такие отзывы хорошие, зря ты прочитать не хочешь.

Или:

– Одна женщина пишет, 10 килограммов за месяц сбросила.

И так до бесконечности. Ну как тут не взорваться.

С лекарством, которое помогло Степаненко, на третий день вопрос был решен в ультимативной форме.

– Еще раз скажешь про лекарство для похудения, садимся на диету. Утром овсянка, в обед суп. Ужина не будет. Пирожков, печенья и бутербродов с колбасой не проси! И это не на один день – это навсегда!

– Я же не себе.

– А мне пофиг. Я ем овсянку, и ты будешь!

Вечером приношу на ужин овсянку. Мама смотрит испуганно. Еда – это единственное доступное удовольствие, оставшееся ей в жизни. Поэтому по вечерам я готовлю основательно и жирно – толченую картошку с маслом, макароны, жареную рыбу, мясо или котлеты. Себе готовлю отдельно – в пароварке. А вот сегодня у нас овсянка.

– Ну и оставайся толстой, – сквозь слезы говорит мама и с видом мученицы заталкивает в рот овсяную кашу.

Два дня мы жили относительно спокойно, а утром третьего дня в Интернете нашлись глазные капли, которые стопроцентно восстанавливают зрение. Потом был миллионер, который по видео учил людей зарабатывать деньги. Мне крайне убедительно предлагалось посмотреть это видео. Целую неделю предлагалось.

Я перестала заходить в мамину комнату, делала вид, что не слышу, когда она меня зовет. Заглядывала к ней только четыре раза в день – принести завтрак, обед, ужин и перед сном пару бутербродов. И вот в это самое время мне и предлагалось.

Пришлось пригрозить:

– Больше обеды тебе в комнату приносить не буду. Буду на кухне оставлять и уходить.

– Я же до кухни не дойду...

– Вот и отлично. Похудеешь, лекарство для похудения не понадобится.

Мама смотрит обиженно. И я опять чувствую себя виноватой – я запугиваю собственную мать. Шантажирую ее едой. А что мне еще делать?

— — —

И слава богу, что есть чем шантажировать! Есть

у мамы две главные слабости – она боится попасть в больницу и очень любит вкусно покушать. Что-нибудь мучное, жаренное, сладенькое. И я честно ей все это готовлю. Каждый день. А потом запугиваю. Господи, как противно.

Я снова и снова гуглю в Интернете симптомы деменции. И сама себе не верю. Мама всегда в нашей семье была авторитетом, главным и самым любимым человеком. Очень трудно признать факт деменции о родном и близком человеке.

11. 300 тысяч и жирный кот

Мне хочется взять молоток – у меня в доме есть молоток! – и со всей дури шандарахнуть по этому чертовому планшету.

– Таня! – зовёт мама, когда я прохожу мимо ее комнаты. Захожу.

– Посмотри, что я нашла, – протягивает мне планшет.

При виде планшета меня начинает трясти. Я ненавижу этот планшет!

– Я тебе говорила, если ты ещё раз покажешь мне там какую-нибудь гадость, я выброшу его в окно к чертям собачьим! – ору я.

И снова чувствую себя виноватой. Ей не хватает общения, а я перестала совсем заходить в ее комнату – только принести поесть, сменить белье, пропылесосить и помыть. Стоит мне присесть на стульчик напротив ее кровати, как начинается:

– Таня, посмотри, пишут, Путин издал указ о социальных выплатах.

– А вот ты не веришь, а люди уже по 300 тысяч получают.

– А вот тут таблетки от гипертонии, почитай.

Мне кажется, я тупею. В моем мозгу происходят необратимые процессы, я уже не могу мыслить, как раньше.

Мозг работает медленно, очень медленно. Весь день я сижу за компьютером и успеваю написать только несколько строк. А у меня сроки, заказчики, две группы в соцсетях, посты в которых должны выходить вовремя. Мне нужно освоить таргетинг, а у меня нет на это времени. Я и так работаю по ночам, иногда до 4—5 утра. Как хочется поспать лишний часок, но в 7 утра надо подать маме завтрак. Она проснулась ещё часа в 4, уже выпила несколько таблеток и сидит голодная.

А через полчаса, когда я снова пройду мимо ее комнаты, все начнется по кругу: надо получить 300 тысяч социальных выплат, заказать лекарство от гипертонии, внимательно прочитать отзывы про чудесное средство для вечной стройности.

Я много раз давала себе обещание, что буду спокойно реагировать на ее даже самые нелепые просьбы. Все равно она, похоже, не слышит моих ответов. Просто молчи и уходи, говорю я себе. Но после седьмого-восьмого напоминания за день не могу сдержаться, у меня в груди нарастает тяжелый ком, не хватает воздуха, и я начинаю кричать.

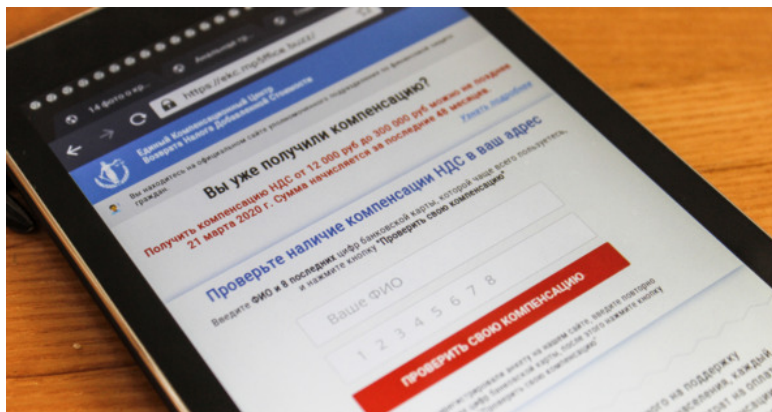
А потом вспоминаю ее обиженные несчастные глаза, и меня накрывает чувство вины.

Казалось бы, чего проще: смени пароль от вай-фай, и все, мама, извини, нет Интернета, сломался. Но я же ее знаю! У этой женщины железный характер. Она будет методично с утра до вечера тыкать в планшет, каждый раз сообщать мне, что Интернет не появился, и предлагать варианты решения проблемы от вызвать мастера и отнести планшет в ремонт до «что-нибудь покрутить и какие-нибудь кнопки понажимать». И это не один-два дня, а месяц, второй, третий – каждые 15—20 минут. И я все равно не выдержу и включу ей этот самый Интернет.

Зарегистрироваться в Одноклассниках и переписываться там она категорически оказалась. Фильмы все, какие хотела, она уже давно в Интернете пересмотрела. Книжек полная электронная книжка – «не могу читать, глаза не видят». Аудиокниги слушать отказалась, даже ни разу не попробовав. Я уже полотенчико с нарисованными крестиками ей купила, пусть вышивает. Ну и что, что мимо крестиков попадает, я все равно хвалю, что у нее хорошо получается. Но в Интернете получается лучше. Там медом намазано.

Каждую свободную минутку трачу на поиски информации о том, как установить на планшете родительский кон-

троль. И чем больше читаю, тем яснее становится, что одной программой не обойтись, еще список запрещенных сайтов потом вручную внести придется. Какой, к черту, список? Она их находит быстрее, чем я смогу их вбивать.

И вот такое она находит каждый день у себя в планшете

А потом у меня случился фейерверк. С истерикой.

Накануне моего дня рождения объявились два клиента со срочными заказами. А в моей ситуации от работы не отказываются. Я перешла на фриланс, заранее соломки не постелив, – кто ж знал, что отец так быстро уйдет из жизни и мама останется у меня на руках.

Мама с нетерпением ожидает каждого праздника: праздник – это обязательный торт, а торт – это счастье. Ну не оставлять же маму без счастья, решила сбегать в магазин и посидеть с ней минут десять – ради дня рождения.

И вот разрезаю торт, подношу первую ложку ко рту, а мама:

– Посмотри, что я нашла, – и протягивает мне планшет.

А у меня уже только при виде планшета истерика начинается. Хочется орать матом и биться головой о стену. Потому что раз мама что-то в планшете нашла, это опять на несколько дней дискуссий. А мне некогда, у меня два срочных заказа.

– Вот здесь написано, что всем пенсионерам за прошлый год социальные выплаты положены. Некоторые уже получили. Мужчина пишет, 120 тысяч получил единовременно. Только нужно на каком-то сайте зарегистрироваться, чтобы деньги получить.

Бросаю ложку, ухожу. Тортика я больше не хочу. На периодические каждые полчаса: «Таня, посмотри, вот еще мужчина пишет, что деньги получил», – не реагирую. Психую, но пытаюсь работать.

Вечером приехала дочь. Подняла бабушке все законода-

тельство о социальных выплатах.

– Ты за что деньги хочешь получить?

– Мне положена оплата проезда до места лечения и обратно. А я никуда не езжу – мне должны деньгами отдать.

– Тебе должны транспортные расходы компенсировать, если они были. Если расходов не было, компенсировать нечего.

– А еще я на автобусе городском не езжу. А у меня льготный проезд. Мне его компенсировать должны.

– Нет, не должны. Оформляй социальную карту и катайся.

– Мне компенсация за коммунальные услуги положена.

– Ты ее и получаешь. Только плачу за все я, а компенсацию получаешь ты, – я встречаю в разговор.

Возвращаюсь через полчаса. Бабушка насупилась и молчит.

– Ты все выяснила?

Молчит.

– Спрашивай у Оли, ко мне с этим больше не подходи.

– Ну мужчина же 120 тысяч получил...

Два дня затишья, пока дочь не уехала. Мама пару часов собиралась с мыслями, а потом перешла в наступление.

– Ну люди же деньги получают.

– Вот найди того, кто получил, тогда и поговорим. Не в Интернете найди, а живьем.

– А где я найду?

– Обзванивай всех своих знакомых пенсионеров!

Кажется, это была отличная идея. Два дня мама провела на телефоне – обзванивала всех своих бывших коллег и деревенских соседей. Выяснила, что никто никаких денег не получал. Ночь опять собиралась с мыслями...

Утром, только я захожу с кефиром в комнату, сообщает гордо:

– Ну вот я нашла этот сайт. Тут написано, что за 2019 год всем пенсионерам положены выплаты.

Мне хочется взять молоток и разбить этот чертов планшет. Но я сдерживаюсь, разворачиваюсь и ухожу.

– Таня! – зовёт мама из комнаты.

Встаю, иду.

– Посмотри, что я нашла, – протягивает мне планшет.

Я начинаю судорожно глотать воздух. Смотрю на свои руки – они трясутся. У меня непреодолимое желание вырвать у нее из рук этот планшет и со всей силы бросить его в окно. Так, чтобы все вдребезги: и окно, и гаджет. Мысленно представляю звон разбитого стекла и вижу мелкие осколки на полу.

– Мама! – ору я. – Прекрати!

— Я только хотела показать тебе котика, — обиженно смотрит мама.

Я смотрю в планшет. Там, и правда, какой-то чудовищно жирный кот. У меня паранойя.

— С тобой вообще ни о чем поговорить нельзя, — обиженно говорит мама.

Да я и сама понимаю, что уже неадекватна.

— — —

Я не понимаю, что происходит со мной. Я не понимаю, что происходит с нами. Я смотрю на происходящее сквозь какой-то сюрреалистический туман. Боже, когда-то я умела анализировать информацию и выстраивать логические схемы, помогала коллегам готовить материалы для методических сборников... Что произошло с моим мозгом? Может быть, это у меня деменция?

Это когда-нибудь прекратиться? Я захожу в настройки и блокирую несколько последних посещенных мамой сайтов, чищу кэш в браузере. Надеюсь, на день-два этого хватит.

Я понимаю, что совершила грандиозную ошибку, несколько лет назад подарив маме планшет. Но ведь

она три года в нем смотрела фильмы, слушала музыку, читала статьи об искусстве. Почему вдруг все изменилось?

И ни в одном списке симптомов и тестов на деменцию нет социальных выплат и жирных котиков. Как в этом кошмаре разобраться?

12. Манипуляция высшего уровня

Что это было?

Третий час ночи. Я корчусь в постели и не могу уснуть. Меня все ещё трясёт. Чувствую себя так, словно меня раздавили. Изнасиловали. Унизили. Прошлись по мне катком. Я прокручиваю в голове сегодняшний инцидент и пытаюсь понять, что на самом деле произошло.

Я просто зашла в мамину комнату, чтобы поболтать минут пятнадцать – я понимаю, что ей скучно и не хватает общения.

– Какую книжку ты сейчас читаешь? – спрашивает мама.

Неужели ей интересно? А читаю я сейчас «Идиотский бесценный мозг» Дина Бернетта – она о том, как наш мозг способен создавать новые нейронные связи, если мы сами готовы прилагать к этому усилия. Рассказываю маме.

– Мам, я раньше думала, что неврологи и терапевты постоянно говорили тебе, что нужно стараться как можно больше двигаться, только затем, чтобы мышцы не атрофировались и держали тонус. Оказывается, все гораздо глубже. Если человек после инсульта начинает работать над собой, выпол-

нять упражнения, двигаться, то взамен поражённых участков мозга возникают новые нейронные связи и человек возвращается к полноценной жизни, — я воодушевлена, я даже готова перерыть весь Интернет и найти для мамы простейшие легкие упражнения, с которыми она сможет справиться.

Мама смотрит на меня очень серьезно и произносит:

— Да я все это знаю...

Я офигеваю. Она это знает, но при этом отказывается лишний раз встать с кровати и пойти пообедать на кухню?

— Понимаешь, чтобы двигаться, нужно, чтобы был какой-то смысл. А у меня все желание отбили, когда вон... фотографии делали, — мама показывает глазами на свой фотоколлаж в рамках на стене.

И у меня моментально включается чувство вины. Я вспоминаю, сколько месяцев длилась эта история, как я ползала на полу с больными коленями, раскладывая газетные листочки, вымогала у брата и племянницы фотографии и ругалась с мамой.

— Мама, ну вот он твой коллаж, сделали, — говорю я, оправдываясь.

— А куда ты дела фотографии, которые я тебе дала? Ты их

не повесила.

– Мама, какие фотографии? Они были маленькие и не подходили в большие рамки, – я продолжаю оправдываться.

– Нет, я тебе напечатанные фотографии давала, большие. Там было несколько хороших фотографий, куда ты их дела?

Я точно знаю, что не было никаких напечатанных больших фотографий.

– Давай проверим в твоей папке с фотографиями, – предлагаю я.

– Их там нет, они были в отдельной папке, – уверенно заявляет мама.

– Каким они были размером? – я пытаюсь поймать маму на мелочах.

– Большие, как раз для этих рамок.

– Какого цвета была папка?

– Я не помню. Может не папка, может, большая общая тетрадь.

– Что была на фотографиях?

– Там внуки были...

– Внуки вон на стене висят.

– Там была Настя с ёлочкой.

– Не было Насти с ёлочкой.

– Была. Там на лестнице стояла Настя с ёлочкой.

Мне начинает казаться, что я схожу с ума. Я точно знаю, что не было ни папки, ни тетрадки, ни ёлочки.

– Куда ты её дела? – спрашивает мама.

– Мама, не было никакой папки и не было фотографии. Ты что-то путаешь.

– Я тебе давала, – мама непреклонна. – Ты бегала, психовала и куда-то бросила. Даже не посмотрела.

Мама говорит абсолютно уверенно. Но я точно знаю, что никакой папки не было.

– Вот где её теперь искать? – спрашивает мама.

– Давай перероем все бумаги в твоей тумбочке, – предлагаю я.

– Её там нет, она у тебя, – отрезает мама.

– Хорошо, у меня всего один ящик, в котором есть бумаги в больших папках. Пойдёшь искать?

– Куда ж я пойду, я встать не могу, – железо в голосе исчезает, голос становится жалобным и плаксивым.

– Принести?

Мама кивает.

Я на психе открываю глубокий нижний ящик комода. Сколько здесь – килограммов 15 книг и бумаг? Если я понесу по частям, мама потом скажет, что я спрятала. Я рывком взваливаю на себя огромный тяжелый ящик и чувствую

резкую боль в нижней части позвоночника. Еле дотаскиваю до спальни, ставлю перед мамой:

– Проверь!

Мама сосредоточенно и как-то отрешенно начинает перекладывать стопки тетрадей, записных книжек, архивных бумаг. Она выкладывает их стопками на стол, а я потом, хромая (что-то простреливает в бедре), по частям уношу в свою комнату.

Через полчаса, когда проверка закончена, мама поднимает пустой серый взгляд от ящика и задумчиво говорит:

– Я знала, что её здесь нет.

Я не знаю, что думать и как реагировать.

– Где теперь будем искать?

– Я устала, – жалобно говорит мама, – не сегодня.

Я уношу ящик.

И вот теперь я не могу уснуть и думаю, думаю, думаю. Что это было? Тонко выстроенная манипуляция.

Сначала мне включили чувство вины – я постоянно чувствую себя виноватой, когда мы ругаемся с мамой. А из-за фотографий в рамках на стене ругаться приходилось много. Как только включилось чувство вины, отключился мозг. Если бы у меня в тот момент не отключился мозг, я бы просто

ответила, что к желанию двигаться и ходить её фотографии на стене не имеют никакого отношения. Она хотела сидеть на кровати и командовать, а бегать вокруг и суетиться должна была я.

Очень жесткая и красивая манипуляция – мне включили чувство вины и вырубили мозг. Вместо того, чтобы думать или хотя бы просто уйти, я начала оправдываться.

Затем меня обвинили в потере фотографии, которую я в глаза не видела, и я психанула и потащила на себе тяжелый ящик. А теперь какая-то нервная боль тонкой ниточкой проскальзывает по позвоночнику и уходит в бедро.

Никто никогда в жизни так жестоко не манипулировал мной!

То есть все это она устроила для того, чтобы уйти от разговора о том, почему ей надо чаще ходить? А она может ходить, я это знаю! Но предпочитает сидеть в коляске и говорить, что ничего не может.

Стоп. Моя мама способна на такую манипуляцию? Да она в жизни никогда не умела манипулировать! Максимум, что она могла, сидеть и нудить. Но не манипулировать!

Для того, чтобы так тонко выстроить все этапы манипуляции, заранее просчитать мою реакцию, надавить на чувство вины и тут же сыграть на нем, нужна целая команда психологов и пиарщиков. Я знаю, я преподавала в школе журналистики, и для того, чтобы научить детей видеть, как нами пытаются манипулировать реклама, прочитала немало книжек по пиар-технологиям в рекламе. Я знаю, чтобы выстроить такую манипуляцию, нужны цинизм, железная логика и хорошее знание поведенческих реакций.

ЧТО это было? Какое-то экзистенциальное чувство, что за всем этим кто-то стоит. Кто-то умный и очень жестокий.

С чем я имею дело на самом деле? Что делать дальше? Как с этим быть? Мне страшно.

— — —

Концы с концами не сходятся. Все, что я прочитала о деменции и Интернете, совершенно не соответствует тому, что происходит у меня дома. Далеко не каждый здоровый человек сможет выстроить такие логические цепочки, так грамотно и точно сманипулировать другим человеком. Тем более старому, больному человеку это не по силам. Тем более человеку с деменцией. Мне страшно. Я не понимаю, с чем я имею дело. И я словно чувствую за всем этим какую-то холодную

чужую силу.

13. Разделить надвое

Неделю хожу как побитая. Пытаюсь распутать клубок, добраться до сути того, что произошло в прошлый раз. Как маме удалось так тонко сманипулировать мною?

– Мам, ты вспомнила, где твои фотографии, которые ты искала вчера? – спрашиваю утром.

– Какие фотографии?

– Помнишь, ты перекладывала мой ящик с бумагами?

Пытается вспомнить, смотрит на меня с недоумением:

– А зачем я это делала?

Она реально не помнит! Но это точно было, я знаю – потому что у меня теперь плюс к коленям болит позвоночник.

Мне нужно понять, что с этим делать, чтобы не вляпаться еще раз. Итак, мама постоянно говорит о том, что самое главное ее желание – хоть немножко ходить:

– Пусть бы что угодно болело, лишь б ноги ходили.

И я до сих пор принимала это за чистую монету.

Но когда я пытаюсь поддержать ее в этом и помочь, она начинает защищаться. И защищаться очень жестоко. Что бы мама ни говорила, на самом деле она не хочет ходить! Она

хочет быть больной, и чтобы ее жалели. Это первое, что мне нужно запомнить.

Второе. Мною манипулировала не мама, моя мама на такое не способна, это что-то страшное чёрное и злое, что сидит внутри не мозга. Безжалостное, наблюдательное и умное. Чем умнее становлюсь я, чем хитрее пытаюсь выстроить отношения с ней, тем умнее и изощреннее становится этот зверь, сидящий у нее в голове. Он адаптируется ко мне, изучает, ищет уязвимые места. Он меня не пожалеет – искалечит физически и морально. Это уже не мама. Мне страшно.

В этой ситуации мне нужно понять, что делать. Не для того, чтобы помочь маме, а для того, чтобы защитить себя.

Я ничем не могу ей помочь.

В психологии есть понятие семейной иерархии, а если говорить проще, яйца курицу не учат. Мы никогда ничему не сможем научить своих родителей, потому что это родители учат нас, когда мы еще дети. А потом наши родители впадают в детство, и в роли взрослых рядом с ними оказываемся мы. И вот тут мы попадаем в ловушку: начинаем учить, говорить, как лучше сделать, подсказывать. Из самых лучших побуждений. Но повернуть в обратную сторону этот процесс невозможно, так это не работает. Я никогда не смогу стать

мамой для своей мамы.

Вот и я попала в эту ловушку. А ведь все это знала, книжки по психологии читала, а попала!

Прекрати учить маму жить. Ей не нужна информация о том, как люди спасают себя, как они борются со своей болезнью и выздоравливают. Она хочет жаловаться и слушать, как ей сочувствуют. Дай ей то, что она хочет.

Уже полгода как она перестала читать, мотивируя тем, что ничего не видит. В её электронной книжке – вся русская и зарубежная классика, Ремарк, которого она хотела прочитать ещё полгода назад, а также чтиво полегче, которое она в последние годы привыкла читать за компанию с отцом – боевики, детективы. Я установила крупный размер шрифта. В планшете шрифт в пять раз мельче, чем в книжке. Она спокойно читает в нем инструкции для медицинских лекарств, подробно изучает мошеннические сайты, которые предлагают получить деньги и купить лекарства, но отказалась от чтения книг.

Это уже потом, года через два после смерти мамы, на просторах Сети мне попадется информация, что отказ читать книги может быть одним из ранних признаков деменции. Почему эта информация не попала мне раньше?

А пока я понимаю, что к чтению она, скорее всего, уже не вернётся – нейронные связи, отвечающие за процесс восприятия больших объемов текста, уже начали свой распад.

Все! Что я могу ей предложить? А ведь она филолог. Именно она с детства привила мне любовь к чтению, познакомила с русской и зарубежной классикой, научила любить поэзию. Именно с ее подачи я с детства читала взахлёб, глотая книжки одну за другой, летними вечерами в сумерках на скамеечке пересказывала подружкам «Собор Парижской Богоматери» Гюго, а они слушали, затаив дыхание.

Даже льняное полотенчко в крупную цветную клеточку для вышивки крестиком она забросила:

– Не могу вышивать, ничего не вижу! Зачем ты меня заставляешь?

Да я и не заставляла, я просто пыталась придумать ей хоть какое-то занятие.

Мне нужно вытаскивать, в первую очередь, себя. Как только я начинаю тащить маму, она повисает на мне, как тяжелая гиря, и я иду на дно.

Ей скучно и хочется общения. А я ведь и так бросила работу в школе и перешла на дистант, чтобы ухаживать за ма-

мой. Я не ухожу на работу на весь день, я каждый день готовлю свежие завтраки, обеды и ужины, заглядываю к ней каждые полчаса, мою, убираюсь, стираю. Иногда пытаюсь просто зайти к ней поговорить, но при этом мы обязательно ссоримся!

Моя задача – научиться общаться с мамой спокойно и ласково, не включаясь эмоционально, не вовлекаясь в ее мир. Как только я начну эмоционально вовлекаться, мною снова можно будет манипулировать.

Я представляю, что между мной и мамой пуленепробиваемое стекло – я здесь, я вот она, но внутренне меня нет. Все, что я могу – готовить еду, которую она любит, покупать копченую колбаску и конфетки, таскать на себе из магазина за раз по несколько литровых банок маринованных огурцов – одной баночки хватает на 2—3 дня, и если вдруг вечером захочется соленого огурчика, а его в доме не будет, мама будет страдать до утра и думать только о нем.

Что я еще могу? Сочувственно вздыхать, когда она жалуется, выполнять мелкие просьбы и наблюдать, как она погружает себя в ещё большую безвыходность, сидит на кровати, не двигаясь и не используя мозг.

Итак, это моя единственная реальность. И мне надо научиться с ней жить

Все? Моя роль – просто роль чужой сиделки: приготовить поесть, постирать, помыть, отмыть унитаз, обрезать ногти, принести таблетки? Иногда поддержать разговор, чтобы не было скучно. Но поддержать осторожно. Ни с чем не спорить. Вовремя уходить от дискуссии. Не объяснять. Не доказывать. Не пытаться достучаться до ее мозга.

Разделить свою жизнь надвое: моя жизнь отдельно, её жизнь отдельно. Поставить стенку. Смогу ли? И куда деть это скребущее чувство вины, которое постоянно напоминает-

ет: «Так нельзя, она ведь твоя мама!»

— — —

Кажется, я пытаюсь решить задачу, которая не имеет решения. Остаться хорошей дочерью, заботится о маме, но при этом не вовлекаться в ее мир эмоционально.

Наши чувства – это самый простой способ манипулировать нами. Отреагировала эмоционально – ищи, на какую манипуляцию ты опять попалась.

Какие чувства вы испытываете по отношению к вашим престарелым родителям? Жалось? Чувство вины? Поздравляю, вами точно манипулируют.

14. Чудесный доктор

Мама жалуется на слабость в ногах. Жалуется она всегда, поэтому сначала я никак не отреагировала – я же дала себе слово не поддаваться на манипуляции. Но тут уже вторую неделю у неё в ногах такая слабость, что от кровати до коляски мне приходится таскать её на себе. Что-то похожее уже было года четыре назад, и тогда нас спасла поездка в краевой клинический центр и новые, назначенные неврологом препараты.

В тот раз я специально попросила направление в клинический центр в надежде, что там проведут обследование и отменят диагноз болезнь Паркинсона, поставленный маме в деревне молодой неврологиней. Ну ясно было, что нет у мамы никакой болезни Паркинсона! У неё мышцы расслабленные, как тряпочки, а при болезни Паркинсона у мышц, наоборот, повышенный тонус.

Но мама тогда с радостью перерыла на своём планшете весь Интернет и пришла к выводу, что диагноз поставлен верно:

– Смотри, тут написано, что у больных Паркинсона портится почерк, а у меня тоже почерк испортился!

И начала принимать леводопу и проноран в максимальной

приписанной врачом дозировке.

В клиническом центре нам подтвердили, что это вовсе не болезнь Паркинсона, но обследование проводить не рекомендовали. Посмотрели, что бабушка из деревни, сидит вся кислая и вялая в инвалидной колясочке, взятой по этому случаю напрокат, пожалели и объяснили, что в результате обследования будет поставлен другой диагноз, но однозначно, что это тоже экстрапирамидная патология. Никакого принципиально другого лечения не будет. Леводопу все равно принимать придётся, тем более у неё сейчас максимальная дозировка – 6 раз в сутки, каждые 4 часа – и жить без неё она уже не сможет. Но при другом диагнозе леводопу, которую мама до сих пор получала бесплатно, придется покупать за свой счёт.

Мы прикинули, что это почти половина пенсии, вздохнули и поняли, что предложение врача продиктовано здравым смыслом. Плюс к пронорану и леводопе маме добавили мирапекс. Ей стало легче, и она снова начала ходить. На том все и закончилось.

И вот теперь я вызываю к моей неходячей больной терапевта, он сокрушенно вздыхает, что невролог сейчас в городе один и на дом придёт не раньше, чем через месяц, я говорю, записывайте на приём, поедем сами. Вызываю брата

из Красноярска, мы грузим маму в машину вместе с коляской и едем к неврологу.

А дальше самое интересное.

Невролог, дама пенсионного возраста, очень живая и энергичная, пару минут осматривает маму, смотрит на нее, на меня и говорит:

– Нет у вас никакой болезни Паркинсона.

– Это я знаю, – говорю.

– Откуда вы знаете, вы врач?

– Нет. У свекра была болезнь Паркинсона, я несколько лет наблюдала, как его скручивает.

– Ясно. Зачем разрешили маме пить в таком количестве леводопу?

– Ей с первого дня врач такую дозировку прописала. Я жила в другом городе, как я могла уследить? Приезжаю, а она уже ее пьет.

– Кто вам мирапекс прописал?

– В клиническом центре, – рассказываю, как всё было.

– Я могу вас снова направить в клинический центр, если вы настаиваете. Но можно попробовать снизить дозировку лекарств, которыми она травит свой мозг, и начать принимать витамины и бады.

– А такое возможно?! – я готова прыгать от радости.

– Если вы сможете себе это позволить. Все придётся покупать, рассчитывайте свой бюджет.

Господи, конечно, я смогу это себе позволить! Главное, что мама не будет пичкать себя этой дрянью, снова начнёт двигаться, ходить!

Нам прописывают целую схему приёма препаратов на ближайший месяц: янтарная кислота, фолиевая кислота, гопантеновая кислота, глицин, цыгапан... И еще одну схему – постепенного уменьшения дозировки мирапекса до полного отказа от него.

– Через месяц придёте, если все в порядке, будем уменьшать леводопу. Полностью с леводопы я вас снять уже не смогу – слишком большая дозировка и слишком большой срок приёма. Но уменьшить сможем.

Мама, зараженная моим энтузиазмом, сидит веселенькая, бодрая и улыбается.

– Запомните, – очень строго и авторитетно говорит ей доктор, – вы не ходите не потому, что не можете ходить, а потому что думаете, что вы не можете ходить. Я как невролог вам говорю, вы ходить можете. Видите, как дочь о вас заботится, как она хочет, чтобы вы выздоровели? Вставайте и пробуйте ходить. В следующий раз чтобы приехали ко мне на прием без коляски.

Мы, счастливые, едем домой.

Дома мама в тот же день спокойно встаёт с коляски и на костылях идёт в туалет. Потом приходит на кухню, чтобы пообедать вместе с нами. А потом ещё полчаса гуляет по квартире на костылях, подходя к окнам и выглядывая во двор.

— Хоть в окно посмотреть! А то я даже до окна дойти не могла.

Мы с братом насмешливо переглядываемся. Чудеса, да и только! В один раз маму без всяких таблеток вылечили! Чудесный доктор — раскусила маму за две минуты!

— — —

Заказываю маме в интернет-аптеке прописанные препараты и обращаю внимание на то, что большинство из них — для стимуляции работы головного мозга. Надо же! Врач и тут с первого раза все, что нужно, увидела! Надо перечитать инструкции к леводопе, пронорану и мирапексу, чтобы понять, что еще ожидать от мамы. Хотя нет, инструкции я уже не раз читала, и научные статьи по экстрапирамидным патологиям тоже. Только почти ничего в этих статьях не поняла, утонула в медицинских терминах. Придется чи-

тать еще и еще, пока не пойму.

Теперь я догадываюсь, что все это время «любимые таблеточки» разрушали ее мозг. И что деменция – вот она, совсем рядом. Но у меня появилась надежда. Может быть, обойдется?

15. «Триумфальная арка»

Все так хорошо, что я готова навсегда забыть свои мысли о том, что у мамы деменция.

Уже два месяца в доме царит приподнятое состояние. Не без маминых фокусов, конечно: то живот болит, а лактулозу пить не буду, потому что три дня назад пила, то не могу найти, куда фото внуков на планшете делись, то посмотри, почему у меня опять денег на телефоне нет.

Нет, честно, я проверяла, она в смс-ки, где предлагается подключить какую-нибудь платную услугу, даже на заглядывает, просто не умеет их открывать. Но спать предпочитает с телефоном в обнимку или вообще на нем и каким-то удивительным образом умудряется нажимать боками и попой нужные сочетания клавиш и подписываться на платные услуги. Каждый день приходится проверять.

Но в целом атмосфера светлая. Уже больше двух месяцев прошло после посещения невролога, а мама ходит! Гуляет по квартире на костылях, шуршит какими-то пакетиками у себя в тумбочке, перекладывает старые фотографии и тетрадки, подходит к окошку посмотреть, что делается в мире. В общем, находит себе дело. Мало того, что не присажива-

ется в инвалидное кресло, попросила его убрать подальше, чтобы не мешало. Минуточку! Уже два года перед этим она просидела в инвалидном кресле а все мои предложения по-пробовать встать и пройтись принимались в штыки. Чудеса!

Мне понадобилось почти три года жизни рядом с мамой, чтобы понять, что мама и раньше прекрасно сама могла дойти до кухни, открыть холодильник, налить суп, включить плитку. Но после инсульта, случившегося 6 лет назад, она решила, что она ничего не может, и мы все согласились, что должны это делать за неё и для неё. Мы все – я, брат, отец – в ее болезнь поверили. Таким был авторитет мамы в доме. Или даже не авторитет, а вечное и неизбежное сочувствие к ее болезням.

– Ну раз ты меня заставляешь читать, заряди мне электронную книжку, буду читать «Триумфальную арку», – решительно заявляет мама.

Я заставляю? Год назад она сказала, что с юности мечтала прочитать «Триумфальную арку» Ремарка. Но в библиотеках за этой книжкой были длюнные очереди, а купить во времена книжного советского дефицита так и не получилось. Разумеется, я тут же закачала текст ей в электронную книжку и пару раз об этом напомнила.

Не реагирую на слово «заставляешь» и радостно приношу книжку, настраиваю размер шрифта, проверяю, удобно ли маме читать. Ей удобно.

Несколько дней в доме тишина и покой. Маме не скучно – читает.

– Таня, – зовет меня, закончив читать, – в книге очень много раз повторяется образ Триумфальной арки, что это значит? Это же что-то значит? Это символ какой-то.

О символизме Ремарка я поговорю с удовольствием, но надо покороче, чтобы не утомить маму.

– Мам, в романе речь идет о людях, которые попали в круговорот истории, маленькие, никому не нужные люди, которые бегут от нацизма. Ты же помнишь, что Триумфальная арка была построена при Наполеоне как символ его империи и его великих побед. И вот этой империи дела нет до маленьких несчастных человечков, ставших жертвами истории. Песчинки на фоне грандиозного исторического монумента.

Мама выслушивает меня недоверчиво и утыкается в планшет:

– Я еще посмотрю, что в Интернете пишут.

Вечером мне сообщает:

– В Интернете то же самое написано, что ты сказала, –

говорит так, словно разочарована этим фактом.

– Мам, еще книжки будешь читать?

– Зачем ты меня заставляешь?

Ок, не буду.

На следующий день:

– Я думаю, этим летом я смогу спуститься по ступенькам, – бодро сообщает мама.

– Мы снова будем с тобой гулять?

– Как только снег растает, так и поедem гулять, – радуется мама.

Мы специально выбирали квартиру на первом этаже и в красивом месте города – рядом уютная Набережная, река, лес – чтобы можно было садить маму в колясочку и вывозить на прогулку.

Первое лето в городе мы так и провели – любuясь красивыми пейзажами и цветочными клумбами из колясочки. Но прошлым летом мама категорически отказалась гулять:

– Я не смогу спуститься по ступенькам.

– Давай просто попробуем, если не получится, вернемся. Ты же даже не пробовала. Вдруг получится?

– Я и пробовать не буду. Я совсем не могу ногами пошевелить, знаешь, как мне больно, – голос плаксивый, вот-вот и вправду расплчется.

В этом году перспектива гулять меня уже не очень радует. Колени, вроде, немного отошли, но все еще поднывают, а вот нижнюю часть позвоночника обложило глухой болью, и какая-то невралгия постоянно стреляет через все левое бедро до колена. Я уже подумываю достать свои старые скандинавские палки и выходить на улицу с ними – мало ли где боль прижмет, а с ними надежней.

Я представляю, как мне придется, преодолевая боль, спустить вниз коляску, а потом толкать ее перед собой.

– Мама, отлично! Этим летом мы будем с тобой гулять!

— — —

Я начинаю надеяться, что все поправимо. Мама пьет препараты, которые поддерживают ее мозг, мы уже полностью отказались от мирапекса и уменьшаем дозировку леводопы. Мама снова читает классическую литературу! И даже пытается выяснить, в чем символизм «Триумфальной арки»! Так хочется надеяться на лучшее! Что никакой деменции нет и все поправимо, что болезнь можно повернуть вспять.

16. Хорошо не будет, будет, как раньше

Мне даже в голову не приходило, что нужно проверять каждый мамин шаг и каждое ее действие контролировать.

– Таня, мне что-то так плохо, ноги совсем не идут. Шага сделать не могу. Наверное, нужно достать коляску, – голосок жалобный-жалобный.

Что, опять?

С тех пор, как мы первый раз были у невролога (глава 14, Чудесный доктор), прошло три с половиной месяца. Первый месяц мы потихоньку снижали дозировку мирапекса и наблюдали, как мама себя чувствует. Оказалось, что без мирапекса она чувствует себя превосходно. Потом полтора месяца ушло на то, чтобы снизить дозировку леводопы. Раз в неделю от одной порции из шести отламывали четвертинку таблеточки. Затем врач сказала остановиться, внимательно наблюдать пару месяцев и, если все будет в порядке, так же медленно убрать еще по четвертинке и на этом остановиться.

– Мама, больше мы не сокращаем леводопу, врач сказала, что это опасно.

– Я все понимаю.

– Нужно сделать паузу два месяца. Если все будет хорошо, мы сократим еще.

– Да что ты мне объясняешь, как будто я сама не знаю, – раздражается мама.

После этого недели две мы жили спокойно, читали Ремарка и ждали лета. И вот опять.

Весь день пытаюсь переключить мамино внимание на что-нибудь другое, перебираем фотографии внуков, я расспрашиваю маму о ее детстве. Я наизусть знаю эти истории, но пусть расскажет еще раз. Пеку на ужин её любимые блинчики с капустой.

Вечером перед сном мама:

– Таня, ты все-таки поставь поближе коляску. Кажется, я никуда сама не смогу дойти.

Ясно, переключить внимание не удалось.

Проходит день, два, три, мама снова не встает из коляски.

– Надо бы снова к неврологу съездить, может, она что-нибудь еще посоветует, – размышляет вслух.

Почему-то мне кажется, что во всем этом есть какой-то подвох.

– Мама, давай проверим, как ты леводопу пьешь. Ты ее

точно пьешь по полтаблетки плюс четвертинка шесть раз в сутки, не пропускаешь?

– Ха-ха-ха-ха, – мамин голос звенит колокольчиком, – я леводопу еще сократила! Я ее уже почти не пью, – сообщает она гордо.

Та-а-ак!

– Тебе же врач объяснила, что ты не сможешь полностью отказаться от леводопы, ты пьешь ее уже слишком долго.

– А знаешь, как мне уже все эти таблетки надоели, – начинает скулить мама. – Ты попробуй сама столько лет таблетки попей. Зачем ты меня заставляешь их пить?

А, то есть я еще и виновата? Сразу вспоминаю, как шесть лет назад уговаривал маму не принимать леводопу, как просила ее: «Давай съездим в клинический центр, пусть тебе там уточнят диагноз», как мама категорически отказывалась, убеждая нас, что не сможет спуститься с крыльца и сесть в машину. А два года спустя, когда совсем припекло, и с крыльца спустилась, и в машину села, и в клинический центр поехала!

Я сейчас взорвусь от чувства моей правоты – если бы она меня послушалась шесть лет назад, этого всего можно было бы избежать!

Так, успокойся, отключи эмоции. Ты снова хочешь стать объектом манипуляции?

Пытаюсь выяснить, сколько леводопы она пьет сейчас. Мама путается в показаниях: то ли два раза в день по полтаблетки, то ли три раза.

– Надо снова к неврологу записаться. Она очень умная, обязательно что-нибудь посоветует, – настаивает мама.

– Давай для начала восстановим прием леводопы до дозы, на которой мы остановились две недели назад. И понаблюдаем.

Мама соглашается. Я при ней отламываю шесть половинок таблеток плюс еще четвертинки и раскладываю в контейнере для приема лекарств.

– Помнишь, когда пить?

– Да все я помню.

На всякий случай на каждой ячейке контейнера приклеиваю время приема.

Все следующие дни контролирую прием лекарств. Мама нервничает:

– Что ты меня все время проверяешь! Что я, маленькая, что ли? Сама все знаю.

Кусочки таблеток, действительно, убывают в ячейках во-
время. А в субботу начинаю убираться у мамы в комнате,
протираю тумбочку и нахожу в верхнем ящике целый пакет
таблеток – все вперемешку – целые, половинки, четвертин-
ки...

– Мама, что это? – показываю находку.

– А ты зачем в моих вещах роешься? – переходит в на-
ступление мама.

– Я не роюсь, я просто протираю пыль и крошки.

– Ты роешься, – упрямится мама.

Стоп! Только не оправдывайся. Ты же видишь, она просто
пытается увести разговор в сторону.

– Мама, откуда у тебя целый пакет с кусочками леводопы?
Ты совсем перестала ее пить?

Выясняется, что мама решила не мелочиться и, раз ей так
плохо, начала пить по полной таблетке леводопы 6 раз в день.
То есть так, как и пила все эти годы. А кусочки она просто
доставала из контейнера и выбрасывала.

Все напрасно! Я только зря потеряла время и силы. Я зря
выдергивала брата с работы, чтобы отвезти маму к неврологу.
Я зря надеялась, что все будет хорошо, зря покупала ви-
таминки и бады. Хорошо не будет, будет, как раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.